

ПАВЕЛ КОМАРНИЦКИЙ

ВСЕГО

ОДИН

ШАГ

Павел Комарницкий
Всего один шаг
Серия «День ангела», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2818845

Аннотация

Порой достаточно сделать один шаг, чтобы понять, что значит быть Хозяином Вселенной.

Это же самое трудное – понять. А уж когда поймёшь, остальное просто дело техники.

Остался всего один шаг.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	128
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Павел Комарницкий

Всего один шаг

Глава 1

Здесь мой дом

Волна жара, пронизывающая с головы до пят. Или холода? Нет, не то... Плюс мгновенная невесомость. Плюс вращение-головокружение-растяжение... Нет, опять не то. В общем, весьма необычные ощущения.

– Поехали... – бормочу я.

– Чего? – это Аина.

А воздух уже с шипением выходит наружу, и я невольно пытаюсь задержать дыхание, чувствуя, как меня распирает изнутри.

– Выдохни! – резко говорит Аина, и воздух разом выходит из меня, как из проколотого мяча. – Тут же у них давление ниже, чем у нас, забыл?

Я невольно отмечаю – «тут у них». Не «тут у вас», а «у них»... Тем самым ставя меня ПО ЭТУ сторону.

Крышка телепорта между тем плавно всплывает над головой, и Аина тут же освобождается от моей тесной близости, легко и непринуждённо выскакивая наружу. Я тоже выбира-

юсь, правда, несколько менее изящно.

В зале телепорта, светящегося розовато-жемчужным светом, на ярко-голубом полу стоит встречающая делегация. Небольшая, правда – Кио, Юайя и Уэф. Впрочем, одно наличие папы Уэфа перевешивает почётный караул и оркестр вместе взятые...

Аина смеётся, уловив мою мысль.

– Мы рады приветствовать тебя, координатор Уэф, – она говорит по-русски, с еле уловимым, непередаваемым ангельским акцентом. – Познакомьтесь – это мой напарник.

– Ну так тебе и надо! – заявляет папа Уэф своим серебряным голоском, и все дружно смеются. Мне немного обидно даже. Всё-таки зять, какой-никакой родственник... Даже не поздоровался, как будто я из соседней комнаты вышел...

Широко разворачивается радужно-белое крыло, и от сильного шлепка я чуть не падаю.

– Здорово, Рома! – в фиолетовых глазах зажглись знакомые огоньки, и говорит Уэф на сей раз голосищем деда Иваныча. – А так нормально?

Теперь и я смеюсь вместе со всеми.

– Здравствуй, Рома, – это Юайя. Всё-таки мы довольно хорошо были знакомы.

– Привет! – жмёт мне руку, хлопая другой по плечу, Кио, с которым мы знакомы ещё дольше. Подобный жест ангелам никак не свойствен, и я улавливаю – это специально для меня.

– Поцелуи и объятия оставим на потом, – папа Уэф уже направляется к лифту – Кушать хотите?

– Естественно, – это Аина, – мы же не ели перед дорогой. А молоко есть?

– Во-от такая посудина! – встречает Юайя. – Дед Иваныч утром привёз!

Уэф уже в створе лифта. Миг, и он свечкой уносится вверх, точно ведьма из русской сказки в печную трубу. Аина шагает за ним, и я следом. Секунды «падения вверх» – точнее процесс срабатывания гравиффта на подъём описать трудно – и я уже стою в том самом холле, знакомом до боли... Дома...

Они смотрят на меня. Они все смотрят на меня. Впрочем, Кио и Юайя уже отвели глаза и расходятся.

– Извини, что спрашиваю, Рома, – папа Уэф смотрит очень внимательно и серьёзно. – Разве ты сейчас дома?

Ну чего он так-то, в самом деле? За слово цепляется... Даже не за слово – за мысль...

«Он не зря цепляется» – это уже Аина, и перешла на мысль. – «Ты не понимаешь, но это важно. Мне тоже интересно, что ты ответишь».

Я задумываюсь. Действительно, интересно. Ведь у человека может быть только один дом. И у ангела тоже, между прочим. А у биоморфа?

– Всё ясно с тобой, напарник, – смеётся Аина, вновь переходя на звук. – Ты зря задал ему этот вопрос, Уэф. Теперь

он загрузится и будет думать до нервного истощения.

– Хорошо, отложим, – Уэф ведёт нас в трапезную, легко перешагивая через высокий порог люка и не сбивая при этом шага. Я же невольно втягиваю голову в плечи, чуть приседаю, и мне самому смешно. Надо же, до чего живуча память тела. Сколько раз я стучался макушкой об эти люки, будучи человеком...

«Память тела весьма полезна, и для некоторых биоморфов особенно. Порой пара хороших плюх доходчивее долгих подробных разъяснений» – улавливаю я чью-то мысль. Чью – папы Уэфа, Аины или и вовсе свою собственную?

– Кстати, где моя тёзка? – спрашивает Аина.

– Кстати, твоя тёзка нас покинула. Пришёл вызов из службы Соединённых Судеб. Так она сразу ко мне – отпусти замуж, начальник! – смеётся Уэф. – Так что опять у меня некомплект, и хоть как тут крутись.

– Замуж – дело святое, – понимающе кивает Аина. – Долго же она ждала. Сильно хороший парень?

– Насчёт парня не видел, а диаграмма практически без зазоров. Это при том, что характер у тёзки твоей сложноватый. Но всё же не как у тебя!

– От такого слышу! – и они разом смеются. Я уже в курсе, что Аина и папа Уэф старые коллеги, знакомы ещё с довоенных времён.

На столе в трапезной красуется самовар, которого раньше не было. Я всматриваюсь – ого! Такому самовару место в

Эрмитаже, не меньше. Рядом с часами «Павлин», точно.

– Иванычу на день рождения подарок, – говорит Уэф, уловив мысль. – Нравится? Моя работа!

– Да ты прямо Фаберже, папа Уэф, – я разглядываю самовар. Золотая гравюра на серебре, платиновая зернь, разноцветная перегородчатая эмаль, или что-то покруче... Впрочем, с этими синтезаторами... Тот же Фаберже с радостью отдал бы все свои яйца, включая природные, за одну такую машинку...

Папа Уэф смеётся, уловив мою мысль, и Аина тоже.

– Да, Рома... Но всё-таки главное дело не в синтезаторе. Главное тут! – он указывает пальцем себе на лоб. – А синтезатор просто экономит силы и время.

– Ну так и я про то – мастерская работа! – это я. – Супер!

– Вот интересно, подхалимаж – врождённое чувство у людей? – спрашивает Аина, расставляя тарелки – помогает Уэфу накрыть на стол.

– Да ладно! – я наконец обижен в лучших чувствах художника. – Сама небось кроме стандартного набора кухонной посуды и не сделаешь ничего, а судишь! Это шедевр, если хочешь знать, а зависть ещё хуже, чем подхалимаж!

Они весело и звонко хохочут, так открыто и беззлобно, что и я улыбаюсь.

– Иваныч же свой подарок сразу сюда на стол, – Уэф уже извлёк откуда-то корзинку с ватрушками и здоровенную полуведёрную крынку с молоком. – Чего, говорит, я такую кра-

сотищу на кордоне у себя держать стану, с котом вместе чай пить? Я там и бываю-то реже, чем тут. Тут, говорит, мой дом, а там офис-контора, значит... Садись, Рома, поближе, вот сюда...

Стол уже накрыт. Всё, как в тот первый раз, только ухи не хватает. Да, и даже картошка варёная в наличии, и тыквенная каша.

–... И украсть там могут, говорит, это ж не база наша неприступная. Я ему: я же тебе трёх дендроидов старых отдал, – продолжает Уэф, щёлкая пальцами в воздухе, и я улавливаю: это он отдаёт мыслеприказ. Самовар начинает тихо шипеть. – А он мне: против русского вора устоять трудно...

Самовар уже вскипел, за каких-то полминуты. Я вглядываюсь в изделие папы Уэфа ещё раз – ни малейших признаков электрического шнура. Да, пожалуй, из-за такой штуки стоит беспокоиться... Хотя дед неправ, после контакта с охранными дендроидами у любого вора должно выработаться стойкое отвращение к своему ремеслу, вплоть до отказа поднимать с земли чужие рассыпанные купюры. При условии, конечно, что этому вору удастся каким-то образом уцелеть, да ещё и сохранить более-менее рассудок.

– ...Вообще Иванычу чего дарить, одни мучения. Мауна тут баловалась, связала из шерсти барана – ну ты знаешь, зверь такой некрупный и травоядный (это Аине, и Аина в ответ кивнула) – ага, связала ему носки (Аина снова кивнула, подтверждая, что такие предметы туалета ей известны).

Руками, заметьте! Так он их на почётное место где-то у себя там положил, чтобы молиться, не иначе. Мауна ему – чего, мол, не носишь, обидеть норовишь? А Иваныч в ответ – да чтобы я такой подарок в сапоги или валенки стоптанные?! Никогда! Для того портянки имеются и носки покупные...

Уэф сегодня непривычно разговорчив и словоохотлив, и я всматриваюсь в него внимательней. Папа Уэф обычно не меняет своих привычек без веских на то причин, и ещё реже делает что-то, не подумав.

– Ум-м, вкусно! – перебивает мои мысли Аина, с наслаждением отпивая из стакана молоко. – Каждый раз, как на Землю попадаю, так напиться не могу, правда, правда. Дома в синтезаторе делать пыталась – вот не то, хоть перья выдери! Корову, что ли, телепортировать с Земли? Ну телёночка, ладно. Я женщина состоятельная, могу себе позволить...

А я наконец улавливаю. Не так это просто, между прочим – уловить скрытые мысли папы Уэфа.

– А где мама Маша? – спрашиваю я.

Веселье за столом увядает, как роза в кипятке.

– На Кавказе в данный момент.

– С ней ничего?..

– Типун тебе на весь язык! – рявкает Уэф голосом, ещё не слышанным мною. – Всё в порядке пока. Если ЭТО можно назвать порядком... – он успокаивается, возвращая себе излюбленный серебряный голосок.

– Рассказывай, – Аина ставит стакан на стол.

– А вы уверены, коллеги, что это дело не подождёт до конца трапезы? – прищуривается Уэф. – Четверть часа ничего не решают.

– Не тебе бы говорить, координатор, и не мне бы слушать, – усмехается Аина. – Рассказывай. Сводка была очень невнятной, и вводная перед телепортацией тоже не ахти. Что тут у вас имеет место быть?

– Не тебе бы спрашивать, не мне бы отвечать, – возвращает Аине папа Уэф. – Имеет место быть встречный контроль, что же ещё...

– Спасибо, что просветил, – Аина вновь отхлёбывает молоко. – Я до последнего надеялась, что ты вызвал нас, чтобы угостить молоком. Подробности, Уэф, причём все и в хронологическом порядке.

– Ну что ж... – вздыхает Уэф. – Я не хотел портить вам аппетит, коллеги, но ты сама напросилась. Смотрите!

Вспыхивает в воздухе большой виртуальный дисплей-экран...

* * *

Цветные размытые пятна танцуют свой танец, исполненный скрытого смысла – красные, зелёные... разные... Я уже привык к вам, ребята... Я знаю, знаю, что вы пытаетесь сказать мне что-то очень важное, но я всё ещё изрядный балбес, и до меня доходит туго...

Я просыпаюсь разом, как будто выныриваю из сна. Светится пепельным светом потолок, не гуляют в толще пушистого ковра, на котором я сплю без всяких подушек-одеял, цветные огоньки – включен ночной режим. Всё тихо в старом ските.

Я сажусь по-турецки, упираю локти в колени и подпираю руками голову, сцепив пальцы в замок. Для человека такая поза не слишком удобна, кстати, а вот ангелам ничего. Думать удобно, ага...

Перед моим мысленным взором снова и снова прокучиваются кадры, показанные Уэфом. Вот, значит, как тут развивались события, пока я там смотрел кино и «рос над собой». Похоже, зелёным понадобился ещё один «пояс зла», причём на сей раз от Атлантики до Японии. И они уже нашли, куда удобнее бросать зажжённые спички. Кавказ... Ладно... Это мы ещё поглядим!

Я встаю на ноги, иду к люку. Люк послушно исчезает. Давно, ох, как же давно это было!

...Люк дрогнул и бесшумно исчез, как и не было. Неяркий голубовато-белый свет изливался из отверстия, размытые блики загуляли по двору.

«Туда...» – уже еле слышный шёпот Ирочки. Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять – она умирает...

Я очнулся, глядя на три громадины витализаторов, неподвижно и без всякой опоры висящие в воздухе. Вот в этот... да, точно, в этот мы с Ильёй положили Ирочку. Точнее, тогда

ещё не Ирочку, тогда мне неизвестно было даже её истинное имя – Иолла...

А память уже прокручивает следующий сюжет.

... Я стою столбом возле сооружения, похожего на громадный саркофаг. Я не уйду отсюда без неё, даже не думайте. И никакие приказы – ни папы Уэфа, ни самого Создателя Вселенной – для меня недействительны.

«Она жива?»

«Она БУДЕТ ЖИВА. Ты успел»...

Я глажу крышку аппарата, способного оживлять даже мёртвых. Не всех и не всегда, правда. Но ты дважды справился, и мне по идее надо бы встать перед тобой на колени...

И снова выныривает из памяти...

...Сосредоточенное лицо мамы Маши смотрит на меня через край ванны.

«Всё, Победивший бурю. Теперь уже всё»

Победивший бурю – кто бы это мог быть... Ха, это что же, я?

Змеевидные отростки, удерживающие меня, исчезают, и я сажусь, придерживаясь за край ванны витализатора.

«Где моя Летящая под дождём?»...

Выходит, я должен тебе трижды, умный аппарат, с лёгкой руки моего соотечественника названный когда-то столь звучным именем? Да, выходит, трижды...

Я оглядываюсь. Вон тут я спал, с молчаливого разрешения папы Уэфа, пока моя Ирочка... да, тоже спала. Как бабочка

в куколке, точнее не скажешь.

Сколько всего связано с этим...

Вся моя теперешняя жизнь связана с этим. А то, что было в прошлой – нет, уже позапрошлой жизни, вспоминается теперь как сон.

В памяти всплывает вчерашнее: «Разве ты сейчас ДОМА?».

Да. Да, папа Уэф. Вчера ещё я не мог ответить. А вот сейчас, пожалуй, могу. Да. Да, я ЗДЕСЬ ДОМА. И там дома, и тут. Вот так вот.

Что-то меняется в мире. Я вслушиваюсь и быстрым шагом покидаю зал витализаторов, пересекаю холл и выскакиваю на крыльцо, едва не натыкаясь на Уэфа.

– Ты чего не спишь, Рома? – луны на небе нет, в темноте у папы Уэфа можно различить лишь тепловые пятна глаз и прочие размытые детали. В отличие от меня он одет в термокостюм.

– Не спится. А ты?

Но папа Уэф не отвечает, и правильно делает. Потому что я уже вижу.

Вспыхивает рассеянный мягкий свет, струящийся ниоткуда и странным образом не забивающий даже сияния звёзд, но в то же время достаточно яркий, чтобы видеть почти как днём. Широкой пологой спиралью, медленно и со вкусом, планирует к нам мама Маша. Я догадываюсь, что кокон выпустил её невысоко, во всяком случае, не выше купола обще-

го маскирующего поля – иначе она не стала бы лететь вот так, не включив индивидуальную невидимость. Но такое ощущение, что спускается мама Маша прямо со звёзд.

– Ап! – она с шумом тормозит крыльями, хлопает ими. – О, какой гость!

Папа Уэф молча шагает с крыльца, обхватывает жену руками, обнимает под крыльями. Тут я замечаю – на ней боевой скафандр, сверкающий разными штучками, как мундир орденами. Только шлема недостаёт. Или мама Маша успела его снять в коконе?

– Удачно? – а глаза-то, глаза у папы Уэфа... и мысль расходится со словами. Потому что я улавливаю нечто иное: «ты жива... ты вернулась...»

Я деликатно отворачиваюсь, потому как воспитанным детишкам не пристало глазеть, как целуются взрослые.

«Всё хорошо. Оба живы»

«Две ключевые фигуры... Ты умница, Мауна»

«Стараюсь соответствовать!»

Они смеются. Два голоса – роскошное вибрирующее контральто и серебряный колокольчик. Нет, воля ваша – не тот у папы Уэфа голос...

– Опять! – голос Уэфа опускается до сверхнизкого потрясающего баса, переходящего в инфразвук, от которого чуть вибрируют кости черепа. – А так лучше?

– Здравствуй, Рома, – смеётся мама Маша, поднимаясь на крыльцо.

– Здравствуй, мама.

– А ты чего это голый? – она трогает меня ладошкой –
Гляди-ка, замёрз совсем! А ну, в дом!

Я с удовольствием и немедленно исполняю команду. Действительно, прохладно на улице, заморозком пахнет... и вообще, апрель на Селигере месяц зимний.

«Кушать будешь?»

«Молоко. И спать! С ног валюсь...» – мама Маша ещё раз оглядывает встречающих. – Вот вы чего не спите-то? – это уже вслух.

Мы с Уэфом встречаемся взглядами. В фиолетовых глазах уже зажёгся знакомый огонёк.

– Так не с кем! – хором заявляем мы. И давимся смехом, все трое, стараясь не разбудить остальных.

* * *

Длинный, мелодичный сигнал вырывает меня из неги сна.

«Подъём!» – чей это посыл, я даже не разобрался. Вскрываю на ноги и бросаюсь на выход.

В холле меня ждёт целая команда, причём одетая в термодюпюмы. Уэф, мама Маша, моя напарница-начальница и Иого.

– О! Он пробудился, хотя никто не верил в это – заявляет Аина, разглядывая меня. – Ты собираешься лететь в таком виде? Тут тебе не Рай! Враз отморозишь самое главное!

– Здравствуй, Рома, – говорит Иого. Вчера мы с ним так и не увиделись. – Рад тебя видеть.

– Здравствуй, Летящий над морем!

– Давай-давай, быстро одевайся! – командует Аина. – Утренняя разминка!

Я растерянно гляжу на маму Машу.

– «Домового» вызови, и все дела, – смеётся она, прочитав-увидев причину моей растерянности.

На мой зов является местный «домовой», стандартный ярко-красный пылесос с шестью гофрированными рукави-шлангами, в одной из которых зажат туго скатанный свёрток термокостюма. Я торопливо одеваюсь.

– На, держи, – Аина протягивает мне нитку хрустальных бус, прибор невидимости.

– Всё, полетели! – Уэф натягивает на голову капюшон. – Время, время!

Входной люк исчезает, и мы цепочкой шустро выскакиваем на крыльцо, взлетая с места – прямо как ласточки из гнезда, честное слово. Я тоже взлетаю, пристраиваюсь последним в цепочке. Небо на востоке всюду пылает золотом, предвещающая ясный погожий день. Ангелы, усиленно машущие крыльями, набирая высоту, вдруг исчезают, превращаясь в размытые тепловые пятна.

«Включи невидимость, Рома! Мы выходим из маскирующего поля базы! Да оставь тепловой фон, чтобы не столкнуться!»

Я послушно исполняю команду. Внизу среди крон сосен и голых ветвей торчат крыши старого скита. По телу вдруг пробегает неприятно-щекочущая волна, всё изображение разом искажается, как отражение в текучей воде. О-оп! И никакого внизу скита, вообще ни малейшего намёка на чьё-то присутствие. Сплошное море серо-сизой после зимы зелени, куда ещё не ступала нога человека. Круто!

«Вверх, други! Встретим восход светила раньше всех!»

Мы поднимаемся по широкой спирали, и вдруг солнечные лучи брызжут из-за горизонта, превращая ангелов в еле уловимые моим тепловым зрением призраки. Мне кажется, что эти лучи пронизывает меня насквозь, наполняя горячим радостным светом. Господи, как хорошо!

«А ну, полетели к Селигеру! Наперегонки!»

И снова я не успеваю уловить, чья это мысль.

Цепочка распадается, и мы наперегонки несёмся к серой глади озера, которого ещё не коснулось солнце – там, внизу, восход ещё не настал.

«Здесь Уэф. Сегодня победителя ждёт приз – он первый ест лимоны!»

«Лимоны?! Так что же ты молчал, шеф!»

Два пятна резко вырываются вперёд, выказывая наибольшую заинтересованность.

«Какой ты вредный, Иого! Мог бы гостье и уступить! Когда я ещё попробую лимонов?»

«Победа достаётся в борьбе! Давай-давай, гостья, работай

крылышками!»

Гладь озера уже под нами, и теперь видно, что оно ещё не совсем освободилось ото льда.

«Ага, я первая! Все лимоны теперь мои!»

«Ха-ха! Гляди, не объешься! Дед целое ведро привёз!»

Одно тепловое пятно резко сворачивает ко мне, повисает перед носом на расстоянии каких-то десяти шагов.

«Рома, здесь Мауна. Догонишь меня?»

«Мама Маша... Как ты определяешь, кто где? Маскировка же! Я вот вижу только размытые тепловые пятна, и то еле-еле»

«А чего тут определять? Ты последний тащишься» – бесплотный шелестящий смех. – «Ну, догоняй!»

Пятно резко увеличивает скорость, но и я не лыком шит. А ну-ка! Посмотрим, чему я научился в Раю!

Ап! «Бочка» с разворотом. Ап! Двойная «мёртвая петля». Ап! «Кобра Пугачёва» Ап! «Фигура Кио» – остановка в воздухе, зависание, разворот назад. Ап! Ап!

Мама Маша закладывает один головокружительный вираж за другим, но я держусь сзади, как приклеенный. Таким ведомым гордился бы, наверное, сам Чкалов.

«Неплохо, Рома, совсем неплохо!» – шелестит бесплотный смех. – «А вот такое?»

Нет, это невысказано – вертикальное падение вниз и подъём почти по своему следу! Я отваливаю в сторону. Нет, мне такое не по силам...

«Ну то-то!»

«Рома, здесь Уэф. Ты зря поддался на провокацию, все твои старания тщетны. Она же значительно легче тебя, забыл?»

«Папа Уэф, я потрясён! Как тебе удалось ТОГДА догнать?»

Я чувствую, как Уэф пытается прочесть-уловить в моей голове смысл фразы.

«А, вон ты о чём... Даже если бы я летал так, как ты вначале, можешь не сомневаться – я бы её догнал. Уж очень ей хотелось за меня замуж!»

Бесплотный шелестящий смех наплывает, дробится, наплаивается... Смеются все.

«Болтун! Хочу купаться!»

«И я! И я!»

Вся группа посыпалась вниз, и я следом. Гладь Селигера уже искрится солнечными бликами – пока мы разминались, солнце добралось-таки до земли.

Крылья нашей ангельской пятёрки взвихривают настоящий маленький ураганчик, в воздухе летает мелкий мусор. Вся команда без всякой команды скидывает термокостюмы и со смехом – на сей раз настоящим, вслух – устремляется в воду. Маскировку, между прочим, никто не выключал, и со стороны зрелище выглядит весьма необычным – над ледяной водой дрожит знойное летнее марево, волны расходятся кругами, плеск и смех... Вот так и рождаются легенды о ру-

салках. Если бы кто-то из аборигенов сейчас был поблизости, то уже наверняка прикидывал бы, сколько бутылок водки потребуется для лечения внезапно навалившегося недуга.

«А ты чего? Не любишь холодной водички, напарник?» – этот вопрос Аины адресован, естественно, мне. Углядела мои мысли, не иначе. Или марево на берегу, не торопящееся в воду.

Ага... если бы просто холодная... Ладно, была не была! Я опасливо стягиваю термокостюм, медленно подхожу к берегу. Трогаю ногой водичку с симпатичной такой плавающей льдинкой...

Неприятно-щекочущая волна пробегает по телу, и прежде чем я успеваю сообразить, что к чему, знойное марево материализуется в Аину на расстоянии вытянутой руки. Сильный толчок, и я лечу в воду, беспорядочно хлопая крыльями. Ледяная вода обжигает... нет, вроде как не обжигает? Да ведь мне хорошо! Ух, здорово!

«А я думала, ты будешь визжать» – Аина говорит мысленно, но смеётся вслух.

«Ну вот ещё! Что я, дама? Я бы и сам...»

«Сам бы ты ждал, пока вода прогреется, а это случится в июне»

«Здесь Уэф. Всё, коллеги, вылезайте. Время, время!»

Термокостюмы, минуту-полторы назад возникшие из ниоткуда на берегу, так же бесследно исчезают в никуда. Определённо местным жителям и заезжим туристам следует со-

блюдать осторожность, путешествуя по глухим берегам Селигера, если им дорог здравый рассудок.

«А как-то и был такой случай, Рома, и не так давно. Мы с Уэфом купались в проруби, и не доглядели, как рыбаки подкатали на снегоходе. Ох и удирали они!»

«Всё, полетели!» – это, очевидно, Уэф. – «У нас сегодня масса работы!»

* * *

За время отсутствия нашей пятёрки во дворе старого скита произошли изменения. У крыльца стоит белая замызганная «Нива», и рядом крутится Казбек.

– Иваныч!

Пётр Иваныч встречает нас на крыльце, возвышаясь над окружающими, как древняя башня.

– Здорово, Рома!

Дед вдруг хватает меня под мышки, как пацана-малолетку, притискивает медведем. От неожиданности я вцепляюсь в деда руками и ногами одновременно, и все смеются.

– И вас с приездом, барышня! – переключает внимание Пётр Иваныч.

– Чего? – прищуривается Аина. – Ты меня ещё «госпожой» назови!

– Ну вот, хочешь как лучше, а выходит как всегда, – смеётся-ухает дед. – Это ж был комплимент!

Наша команда уже проходит в душ, стягивая костюмы. Селигер вообще-то озеро чистое, но там у берега был ил... Все моются разом, благо душевая комната немаленькая, и бьющие отовсюду струи приносят мне дополнительное удовольствие.

В трапезной уже кипит самовар, и за столом уже сидят Кио и Юайя. Один сдал смену, вторая приняла – вот почему их не было на утренней зарядке. На столе, кроме не переменных шанег, молока, мёда и ватрушек стоят вазы с фруктами, и отдельно – широкое блюдо с изрядной горкой лимонов.

– Торжественный завтрак в честь прибытия делегации, значит, – гудит дед.

– Вчера уже был торжественный ужин, – смеётся Аина.

– А! – отмахивается Иваныч. – Разве ж я не знаю архангела нашего? Обьедки кой-какие по углам небось наскрёб...

Все смеются, и папа Уэф тоже. Аина смачно откусывает от лимона, запивает молоком. Меня передёргивает.

«Напрасно морщишься» – улавливает Аина мои эмоции. – «Очень вкусно».

Я осторожно беру лимон, откусываю, невольно ожидая, что челюсти сведёт... Хм... Интересно... Вкусно. В самом деле очень вкусно! Вот кислятина же, а вкусно, отчего так?

«Ты до сих пор порой забываешь, Рома, что ты уже не человек. И вкусовые ощущения у тебя другие. Вспомни колбасу!» – мама Маша смотрит на меня поверх высокого стакана с молоком, точь-в-точь как тогда моя Ирочка.

Торжественный завтрак проходит в не менее торжественном молчании, нарушаемом только характерными аппетитными звуками. Впрочем, молчание это весьма условно, потому как за столом уже идёт оживлённый мысленный диалог – папа Уэф не любит терять время.

«Как прошла встреча с лесорубами?»

«Нормально. Тяжёлые, правда, ребята, да кому сейчас легко»

«Ладно, не расстраивайся. Ими уже занимается Геннадий»

«Ну тады за их светлое будущее я спокоен» – ухмыляется Пётр Иванович.

– Лесорубы замучили, – папа Уэф перехватывает мой заинтересованный взгляд. – Настоящие бандиты, просто слов нет. Уже четвёртую фирму закрываем, а всё неймётся. Надо им порубить здешние окрестные леса, и всё тут.

– С мелкими порубщиками я сам справляюсь, слава Богу, – гудит Иванович. – Ну да местные меня знают, лишнего не позволяют себе. С пришлыми хуже. Колёса прострелю там, мотор... Ежели кто особо отчаянный, ружьишком машет, ружьишко забираю...

– Лесовоз... – в глазах Уэфа зажглись озорные огоньки.

– Один раз! – дед с шумом прихлёбывает чай. – Очень уж наглые были ребята. В меня стреляй, ладно, а собака-то при чём? Еле вон Маша отходила Казбека моего... В долгу я перед тобой, Маша, по самый гроб.

– Да хватит уже, Иваныч, сколько можно! – это мама Маша.

– А как с лесовозом-то? – я увожу разговор в нужную сторону.

– А чего с лесовозом? Отогнал подале, Кольку Хруста оповестил, и все дела... Он где-то продал...

– И что, молча стерпели?

– Не до того им теперь, Рома. Все мысли, должно быть, о здоровье. Поди, уже в каталках катаются... А может, поумнели, случаются же чудеса иной раз...

– Не отвлекайся, Иваныч, – это Уэф. – Досказывай байку, и займёмся делом.

– Да, верно. С мелочью-то я сам справляюсь, хоть и время уходит лишнее. А вот с фирмами, которые из Москвы леса грабят... Тут дело Геннадия.

– И как? – я полон любопытства. Надо же мне профессионально расти, осваивать методы работы с подобными аборигенами...

– Геннадий изымает со счетов фирмы и её владельцев средства, все без остатка, – вмешивается папа Уэф. – Если имеется наличка, изымает тоже. И все ценные бумаги, равно как и документы. Всё остальное делают они сами, между собой. Всё просто, Рома.

Я тарашу глаза. В самом деле, как просто. Если даже у фирмы «Майкрософт» изъять ВСЕ деньги и ценности до последнего цента, обнулив все счета, она немедленно прекра-

тит свою деятельность и вряд ли возобновит. Остался пусячок – суметь это сделать.

– «Майкрософт» тут ни при чём, они на наш лес не покушаются, и для базы угрозы не представляют, – видно, что папу Уэфа ход беседы утомил, но ради любимого зятя он терпит.

– Но как?!

– Обыкновенно. Номера счетов известны их владельцам. Есть такое явление, как телепатия. Есть система глобального видения. Есть универсальные документы. Есть ряд различных устройств, открывающих любые двери, в том числе и сейфов. Твоё любопытство удовлетворено?

– А его любопытство сейчас перестанет быть праздным, – Аина доедает заключительный лимон. – Всё, Рома, экскурсия закончена. Будешь работать!

– Я готов! – я встаю.

– Дайте ему «зелёных», дайте! – это Юайя, сидевшая до сих пор тихо, сосредоточив всё внимание на молоке, ватрушках и лимонах, наносит внезапный удар. Хохот стоит такой, что дребезжат витражи в окнах.

– Ладно, Рома, – Аина великодушна. – Отпускаю тебя попрощаться с миром. Десять минут!

Все уже выходят из-за стола, рассасываются.

– Пойдём, Рома, проводишь старика, – гудит Иваныч.

Мы выходим на крыльцо, у которого стоит белая «Нива».

– Вот возу провизию, то-сё... – дед перехватывает мой за-

интересованный взгляд. – А по лесу куда выгодней на Чалке передвигаться, значит.

Я только тут замечаю – на «Ниве» вместо номера прикручена невзрачная белая табличка. И на стекле вместо талона техосмотров белеет карточка. Понятно...

– Не всегда, значит, бывает уместен один и тот же номер, – усмехается дед, но я вижу, что сказать он хочет другое.

– Ты прав, Рома, другое, – в свою очередь улавливает дед. – Ты, само собой, парень куда как смелый... Так вот. Об Ирке думай каждый раз, прежде чем подвиг совершить. Не прошу – требую. Вот так, Рома.

– Всегда, Иваныч, – я гляжу ему в глаза, и он смягчается.

– Ну, удачи тогда.

Дед садится в машину, и «Нива» разом становится тёмно-зелёной, одновременно обретая номер. Мотор заводится мягко, словно у «Мерседеса», автомобиль неспешно выкатывается за ворота, распахивающиеся перед машиной и закрывающиеся следом.

«Ты готов, напарник?» – слышу-ощущаю я мысль Аины. – «Хватит прохлаждаться! Иди сюда, я в своей комнате»

«Иду!»

* * *

В комнате, где расположилась на постой моя наставница и старшая коллега, витают ароматы гладиолусов и левкоев –

да, точно, я хорошо помню запахи земных цветов.

– Люблю антураж, – усмехается Аина. – Вот, Рома, гляди.

В воздухе вспыхивают сразу три фигуры, медленно вращаясь. Я вглядываюсь. Ну и лица... а вот у этого определённо Лик Зверя. Голограмма точно передаёт детали, вплоть до последней чёрточки и блеска глаз.

– Вот тебе первое задание: отследить этих субъектов. Выяснить всё – перемещения, связи, образ мыслей, текущие планы и замыслы. Последнее особенно. Вводные материалы я собрала вот сюда, – она показывает на светящемся виртуальном экране файл. – Сделать сегодня, в крайнем случае к завтрашнему утру. Всё, работай!

– Где их искать?

Аина прищуривается.

– Это ты МЕНЯ спрашиваешь?

Она переходит на мысль.

«Если ты полагаешь, что я буду тобой руководить, как контролёр ситуации исполнителем – иди туда, открой дверь, зайди, закрой дверь – ты жестоко ошибаешься. Ты сотрудник службы внешней безопасности. Вопросы?»

«Пока нет»

«Это радует. Свободен!»

Я поворачиваюсь и чётким уставным шагом следую к выходу из помещения. Сзади фыркает смешком Аина.

– Если что, обращайся. Я у себя буду.

Я сижу на бледно-зелёном ковре, в толще которого гуляют размытые огоньки – малиновые, жёлтые, фиолетовые... Я уже давно научился производить настройку этого самого ковра, это не сложнее, чем выбрать заставку для компа. И потолок светится матово-белым светом. Только стены сохранили первозданную бревенчатую незыблемость. Прямо передо мной на стене висит нечто, здорово напоминающее африканский тотем. Я уже знаю, что это такое – устройство контроля эфира. В зоне действия этого прибора проходят только те радиоволны, которые прибор сочтёт нужным пропустить, все остальные затухают бесследно. Некоторое время я бесцельно и тупо таращусь на «тотем», изучая каждую деталь. Перевожу взгляд на ковёр с гуляющими размытыми огоньками – по идее, должны же они оказывать хоть какой-то гипнотический эффект... Закрываю глаза, пытаюсь вызвать знакомые цветные пятна, танцующие свой таинственный танец. Ну давайте, ребята, ну помогите же мне...

Нет, бесполезно. Хорошо всё-таки Аине – она Великий Грезящий, она может управлять своими видениями, находясь в твёрдом уме и ясной памяти. Ну почти. А мне что делать? Я не властен над своими сновидениями. Или всё-таки в какой-то мере властен?

Я снова мысленным усилием включаю виртуальный дис-

плей. Передо мной в воздухе возникают три изображения... хм, ну пусть будет людей, как очень грубое допущение.

Анвар. Чеченец, 28 лет, уроженец аула... Да, бедный аул. Глаза волка, уже заражённого бешенством, но ещё могучего и смертельно опасного. Уже чующего свою смерть, и потому спешащего порвать как можно больше людей, уже не заботясь о последствиях.

Дмитрий. Русский, 20 лет, уроженец Москвы. Да, русский... вот так посмотришь, и становится как-то неловко за то, что ты вроде бы тоже по рождению русский. Красивое, холёное лицо уверенного в себе супермена с ясными глазами пятилетнего испорченного мальчишки. Отморозка, знающего только один закон: «я хочу!». Абсолютно безбашенный парнишка. Таких опасаются и самые крутые уголовные авторитеты, потому как стая подобных подростков-переростков способна совершить покушение на Папу Римского или президента, если это придёт им в голову. Страх им неведом, слово «последствия» они никогда не слышали, а слова «уважение», «милосердие» или хотя бы «не убий» вряд ли способны прочесть даже печатными буквами.

Фархад. Афганец, 35 лет, место рождения неизвестно... А был ли сам факт рождения у этого? Голограмма очень чётко передаёт мельчайшие детали, и одного взгляда на это лицо и особенно глаза достаточно, чтобы понять – это портрет зла. Концентрированного, стопроцентного, абсолютного зла.

Ладно. Раз я не могу управлять своими видениями наяву,

надо спать. Надо СПАТЬ. И при этом постараться увидеть не абь что, а именно вот этих трёх. Мда, задачка. И ко всему ещё не приучен я спать днём.

Апрельское солнце бьёт в окно, но мне оно вроде как не мешает. Или всё же затемнить окно? Ладно, обойдусь...

Я ложусь лицом вниз, пристроив под голову круглую подушечку. Это человеку спать удобней на спине. Ангелы же не любят, когда что-то связывает крылья. Оттого и стульев-кресел нет у них – из-за спинок. Тем более что сколиоз ангелам ни при каких условиях не грозит... Оттого же, кстати, и женщины обычно спят сверху – мужчины у ангелов сплошь джентльмены, всё для любимых... Всё для них...

...Мы летим высоко-высоко, и земля под нами кажется синим ковром с многочисленными блюдцами озёр и блестящими жилками рек. Мы будто парим над центром колоссальной, невообразимой чаши. На горизонте темнеет горная гряда, и вершины гор темнее подножия – там растут высокогорные чёрные леса, способные переносить ночные заморозки и даже снег. А гор с мёртвыми вершинами, покрытыми вечными снегами, тут нет. Тут всё буквально насквозь пропитано жизнью, в Раю. Эта планета живая.

«Догоняй, Рома!» – Ирочка вырывается вперёд, но я тоже прибавляю хода. Она скользит стремительными неуловимыми зигзагами, но и я кое-чему научился, и держусь как приклеенный.

«Ага, похоже» – одобряет Ирочка – «А ну-ка!..»

Петля, ещё петля. Обратная петля. «Кобра Пугачёва». «Фигура Кио». Целый каскад умопомрачительных по сложности воздушных пируэтов. Но я всё так же держусь в десяти-двенадцати шагах позади. Любой ас времён Отечественной войны такого ведомого носил бы на руках, поил бы коньяком и пел на ночь колыбельные...

Ирочка звонко хохочет, перекрывая шум ветра, рассекаемого нашими крыльями, и смех её разносится по всему бескрайнему небу.

«Последнее испытание, Рома. Удержишься – я станцую для тебя танец живота»

«Ангелам это несвойственно»

«Для тебя будет сделано исключение!»

Она складывает крылья, камнем проваливаясь вниз. Я следую её примеру, и упражнение даётся мне легко – я заметно тяжелее своей жены, а падать тем легче, чем ты тяжелее.

«Я выиграл!»

«Неужели?»

Ирочка внезапно распахивает крылья, тормозит ими, как парашютом, и с ходу начинает вертикальный подъём. Я проскакиваю мимо, беспорядочно хлопая крыльями, но момент упущен.

«Не всё ты ещё освоил, Рома. Ой, не всё!»

«Ладно. Твоя взяла» – я великодушен. – «Обойдусь без танца живота. Есть и другие приёмы!»

И снова она хохочет так звонко и счастливо, что я плаваю от счастья. Моя. Моя!

«Ну что, домой?» – спрашивает Ирочка.

И только тут я замечаю, что мы находимся над морем. Интересно, когда это мы успели так подзалететь?

«Ого! Надо выбирать. Над морем же нисходящие потоки»

«Ерунда, на такой высоте это уже незаметно. Надо просто лететь чуть быстрее!»

Я оглядываюсь кругом. Берег не так уж далеко, вот только какой-то странный этот берег – похож на гофрированное железо... И небо изменило цвет. Да что же это такое?!

Берег приближается, и теперь уже ясно видно, что всё пространство суши покрыто бесконечными рядами теплиц.

«Это планета Истинно Разумных!»

«Да, Рома. Это мир умерших заживо»

Меня пронзает дикий страх. На горизонте появляется чёрная точка, растущая на глазах. А у нас с Ирочкой ничего нет!

Чёрная точка стремительно приближается, превращаясь в «летающую тарелку», и я слышу насмешливый голос биоробота Ивана.

«Ну вот и всё, биоморф. Это оказалось просто!»

Огромные глаза Ирочки заполняют всё поле зрения.

«Так будет, Рома, если ты не сможешь. Надо смочь!»

Ослепительная вспышка, я просыпаюсь, судорожно стис-

кивая руками подушечку, и даже крылья распустились и скребут по полу. Ну и сон...

Я сажусь по-турецки, тоскливо гляжу в окно. Закат уже почти угас, и пепельное свечение потолка уверенно спорит с бледным светом, исходящим из окна. Ай, молодца! Выспался сотруди́чник, стало быть, в рабочее время и на рабочем месте. Ирочка права, права... Как я буду работать, Великий Бредящий? Вот Аина обрадуется...

И уже совершенно ни к селу ни к городу всплывает в моей чумной голове фраза из какого-то Бог весть когда виденного фильма – «Какой помощник для папы Карло!»

* * *

«Папа Уэф... Ты сильно занят?»

Я чувствую, как он пытается охватить общий смысл фразы, прочесть в моей голове – вдруг я опять с какой-то праздной глупостью? Да нет, тут у меня серьёзно...

«Десять-пятнадцать минут я найду. Заходи ко мне!»

Я не заставляю приглашать себя дважды.

– Ну жалуйся, Рома, – папа Уэф сидит у себя в комнате, у знакомой установки с вертикальной ярко-зелёной светящейся нитью, уходящей в потолок.

– Папа Уэф... Я не знаю, с какого боку начинать, – грустно признаюсь я.

Он несколько секунд размышляет.

– Да, хорошо бы уложиться в пятнадцать минут... Ладно, начнём.

Вспыхивает громадный виртуальный экран. Город, мне незнакомый. Раннее утро. По улице идут прохожие, пока ещё редкие.

– Видишь этих людей?

– Ну...

– Каждый из них перемещается во времени и пространстве. Во времени мы все тут перемещаемся скопом, соотносясь с местным течением Мирового Потока Событий, характерном для планеты. А в пространстве каждый самосто-
ятельно. Это доступно?

– Пока да.

Изображение вдруг расслаивается. Как в специальных кинофильмах, каждый человек начинает оставлять за собой та-
ющий след послесвечения – типичная компьютерная штука.

– Да. Это след перемещения этих вот людей в пространстве по ходу времени. Если сильно упростить – из прошлого в настоящее, то есть в данный текущий момент. Но это одна сторона... Возьмём вот этого одного прохожего, чтобы упростить дело.

Изображение расслаивается по-новому. Теперь точно та-
кой же тающий след возникает ПЕРЕД идущим человеком.

– А вот это ВОЗМОЖНОЕ перемещение данного челове-
ка В БУДУЩЕМ. В самом ближайшем, правда, то есть на

несколько секунд вперёд.

Прохожий между тем бодро вышагивает по тротуару, и изображение снова меняется. Хвост послесвечения приобретает красный оттенок и становится невероятно длинным, тянущимся за прохожим, как след на первом снегу. А впереди свечение приобретает фиолетовый оттенок и тоже вытягивается, правда, не до бесконечности – далеко впереди оно постепенно сходит на нет. Но самое интересное – оно разветвляется. Одна ветка, более интенсивного и сочного цвета, сворачивает через дорогу к автобусной остановке, но до неё не доходит, обрываясь на середине дороги. Другая, бледная, тянется вдоль тротуара и тает вдаль, как сигаретный дымок.

– А вот это **МИРОВАЯ ЛИНИЯ** данного человека. Относительная, как мы её называем, то есть привязанная к поверхности планеты. В прошлом она однозначна и незыблема, поскольку прошлое состоялось. А вот в будущем носит вероятностный характер.

– А это что за развилка? – я указываю на разветвление «мировой линии», к которому пешеход целеустремлённо приближается. По мере приближения к развилке короткая ветка становится всё сочнее, а более бледная ещё бледнее, хотя и вытягивается вдаль всё сильнее, уходя из поля зрения.

– А это развилка в судьбе вот этого конкретного человека, – папа Уэф смотрит довольно мрачно. – Он может попытаться сесть на автобус, но есть у него, похоже, и мысль прой-

тись пешком, ввиду хорошей погоды. Правда, он ленив и эта вероятность невелика – видишь, какая бледная линия...

– Что значит «попытаться»? – хлопаю я глазами. Папа Уэф усмехается печально.

– Это значит, что ему это не удастся, если даже он примет такое решение.

Между тем незнакомый мне пешеход уже подходит к развилке. Линии судьбы начинают мерцать, меня интенсивность – очевидно, человек колеблется. Внезапно бледная линия мгновенно гаснет, и человек сворачивает к автобусной остановке.

– Всё, Рома. Решение принято. Обрати внимание – здесь он САМ решил свою участь.

Человек уже ступил на проезжую часть, делая последние шаги по своей «мировой линии» и по этой жизни. Из-за угла внезапно на бешеной скорости вылетает иномарка, с ходу срезая угол прямо по газону, выносится на середину дороги... Удар! Человек отлетает, как кукла, но никакого следа за ним больше нет. Это уже просто труп, неодушевлённый предмет.

– Верно понимаешь, Рома. Сейчас машина настроена на отслеживание мировых линий живых людей. Хотя в принципе можно проследить и эволюцию уже мёртвого тела. Но кому это интересно?

Я подавленно молчу. Не так это просто – видеть смерть. Зрелище не из приятных и воодушевляющих.

– Ты подавлен... – печально усмехается Уэф – А я вот вижу такие сценки почти каждый день, иной раз не по одной. К этому невозможно привыкнуть, Рома. Ангелу во всяком случае.

Его глаза обретают твёрдость.

– Но мы теряем время. Так вот. Ты должен увидеть мировые линии нужных тебе людей или даже предметов. Отследить по найденной мировой линии уже просто, не сложнее, чем Казбеку найти по следу пешего человека. В дальнейшем, научившись видеть продолжения мировых линий в грядущее, ты сможешь предвидеть вероятные шаги индивида и влиять на них. А до всего остального дойдёшь сам. Вопросы?

– У меня нет такой прогностической машины, папа Уэф. Папа Уэф морщится, я улавливаю его досаду.

– У тебя есть машина получше, – он стучит мне пальцем по лбу. – Вот только ты используешь её пока, как ваш местный школьник использовал бы суперкомпьютер для игр-стрелялок.

Я вдруг явственно вижу в его голове острую зависть. Так глухой порой завидует слышащим, теоретически зная, что существует на свете прекрасная музыка, ему недоступная. И ему всю жизнь придётся довольствоваться ползущей строкой субтитров.

– Да, папа Уэф, – я полон к нему искреннего сочувствия. – Нет правды на Земле, но нет её и выше. Почему такой дар –

и такому балбесу... Вот если бы тебе стать Всевидящим, ты бы всех «зелёных» тут раком поставил...

Я спохватываюсь. Ну когда уже я отучусь ляпать? Но слово не воробей, и в фиолетовых глазах Уэфа уже зажглись огоньки – ход моих мыслей его заинтересовал.

– Как?

– Да не обращай внимания... Это я сдуру...

Но моё подсознание абсолютно самостоятельно выдаёт ряд картинок-ассоциаций с участием «зелёных», биоробота Ивана и папы Уэфа, и потомственный телепат, каковым Уэф является, без труда улавливает их. Ещё пару секунд он сидит неподвижно, округлив глаза, но смех уже рвётся наружу, сотрясая его, как в лихорадке.

– Ой, не могу... Нет, это невыносимо... – серебряный смех-колокольчик звенит, не умолкая. – Ой, не надо... О-ох... Да, Рома, – он вытирает слёзы, – вот так вот живёшь, думаешь, уже всё про зятя знаешь... Ход мыслей человека непредсказуем. Боюсь, Мауна не одобрит подобный мой выбор. Особенно биоробота.

Сказать, что я смущён – ничего не сказать... Нет, с этим надо что-то делать... Я имею в виду, с ходом мыслей. Ведь можно как-то научиться нормально думать, разве нет?

– Всё, Рома, иди работай! И мне не мешай работать! – Уэф поворачивается к своей установке.

– Спасибо!

И уже у дверей я решаюсь.

– Папа Уэф... Можно ещё вопрос?

– Ну?

– А как я тогда смог?

Он оборачивается всем корпусом, и я уже настраиваюсь на контрольный вопрос типа: «ты меня спрашиваешь?» Но папа Уэф, помолчав, произносит совсем другое.

– Тогда был День Гнева... сынок.

* * *

Размытые цветные пятна танцуют свой таинственный танец, рассказывая мне о том, что было, есть и будет во Вселенной. Они никогда не устают, в отличие от меня. Они ничего не утаивают, но что и как я пойму, это уже моё дело. Мне трудно... Мне очень трудно...

Взрыв в голове... нет, это не похоже на взрыв. Я расширяюсь сейчас вовсе не так, как раньше, стремительно и неудержимо, подобно ударной волне. Это больше напоминает расползание облака тумана, мягкое, осторожное... Нет, я не прав – это ничего не напоминает. Потому что подобные ощущения не описываются никаким нормальным человеческим языком, да и ангельским тоже.

Москва... Да, это определённо Москва. Я вглядываюсь в призрачные белёсые очертания зданий, в прозрачные фигурки привидений, весьма похожие на людей... да, это и есть люди. Ещё усилие, и за ними появляются дымные тающие

«хвосты»-послесвечения. Да, это их мировые линии. Сколько их, Господи! Как я найду нужную?

Вновь расширяюсь, затапливая собой всю Среднерусскую равнину, от Белого моря до Кавказа. Я вглядываюсь и вижу – всё это пространство буквально пронизано мировыми линиями, торчащими почти вертикально вверх, как волосы. Ого! Они же тянутся куда-то в космос, это ж охренеть! Почему так? Ответ приходит сам собой, всплывает откуда-то из глубин подсознания – это АБСОЛЮТНЫЕ мировые линии живущих на планете Земля хомо сапиенсов. Всё просто – планета поворачивается вокруг оси и одновременно вращается вокруг светила, которое тоже не стоит на месте... Вот, значит, как это выглядит с точки зрения Абсолютного Наблюдателя... Но мне-то надо совсем другое... Ну не совсем, но другое...

Острые иголки впиваются в глазные яблоки, щекотно под черепом... С чего вдруг? Но мировые линии уже изменились. Исчезла «шевелюра» абсолютных мировых линий, и вместо них появилась густая паутина относительных, то есть привязанных к телу планеты. Вот, это уже теплее... Много теплее... Ещё усилие...

Теперь острые иголки колют непрерывно, в голове нарастают совсем уже необычные ощущения. Мировые линии становятся разноцветными, точно вязь проводов, которые в беспорядке нахомутал электрик, пьяный до невменяемости. Тысячи, десятки тысяч, миллионы линий!

ГДЕ?

Я даже не удивляюсь, когда нахожу искомое. Вот же она, нужная мне линия! И в точности как электрик, я намертво вцепляюсь в неё, боясь потерять снова. Медленно, осторожно перебираюсь вдоль этой верёвочки. Иду по следу, как Казбек. Быстрее, быстрее... Ого, да эта ниточка тянется в Москву!

Быстрее, ещё быстрее... Теперь я буквально мчусь по следу.

Что это? Опять Москва? Все дороги ведут в Рим, похоже...

След становится всё более сочным, ярким. Ага, это было ещё вчера... А вот это он тут был уже сегодня... Шесть часов назад... Два часа... Полчаса назад...

Мутно-багровый след упирается в фигуру, сидящую за рулём легковушки, марку которой я не в силах определить. Если честно, я сейчас с трудом бы отличил её от КРАЗа, до такой степени моё восприятие отличается от нормального, повседневного. Все неодушевлённые предметы – машины, дома, что угодно – выглядят смутными белёсыми тенями, пронизанными цветными змеями мировых линий людей. Если добавить ещё, что всё это я вижу сквозь переливающиеся, танцующие цветные пятна... слово «калейдоскоп» всё равно не даст нужной ассоциации, так что не стоит ничего говорить.

Изображение с каким-то даже звонким щелчком стано-

вится плотным и красочным, возвращаясь к более нормальному восприятию реальности. Именно более нормальному – потому как до совершенно нормального ему ещё ой как далеко.

Я всматриваюсь... Да. Да, это он, Фархад. Именно его я хотел найти первым, потому как его портрет был наиболее впечатляющим.

В затылке у меня появляется тупая, ноющая боль. Пока ещё довольно слабая, даже не боль, отдалённое эхо боли. Но я уже знаю – это сигнал опасного переутомления. Времени осталось мало... Куда он едет? Что привело его в Москву? Что он вообще задумал?

«...Всё просто. Есть телепатия...» – откуда-то сбоку выплывает голос папы Уэфа. Да, папа Уэф... Куда проще – посмотреть, что роится в голове у человека, едущего в авто посреди многомиллионного мегаполиса, к тому же отстоящего от тебя на сотни вёрст.

Я делаю над собой сверхъестественное усилие. Да, я не потомственный телепат, и мне вряд ли удастся прочесть скрытые, неоформленные мысли. Но прочесть текущие размышления я могу попытаться. Должен!

Боль в затылке усиливается, но мои потуги увенчались успехом – в голове возникает бесплотный шелестящий голос... будто полоски бумаги, приклеенные к форточке, под слабым ветерком... будто осыпающийся песок... будто отдалённое шипение змеи.

«...Проклятый Аллахом город. Грязные свиньи, зажавшиеся сверх всякой меры... Ха! Они думают, понаставили тупых ментов на каждом углу, и могут спать спокойно... Глупые самовлюблённые гяуры... Что ж, спите покуда. Против воинов Аллаха все эти бесчисленные живые столбы бесполезны. Фархад объяснит вам истину и укажет ваше место в аду. Готовьтесь!»

Машина между тем уже петляет среди каких-то домишек. Где это в Москве такие сохранились? Южное Бутово?

Но близкий рёв взлетающего самолёта всё ставит на место. Это Быково, точно! Я же там был, и не раз!

«Ну где этот Иварс, сын свиньи и верблюда...» – я чувствую, что Фархад даже мысленно приглушил голос, и опасно оглянулся. – «Да... Не знаю, чей он был сын, но мать свою он наверняка зарезал... Не мог не зарезать... Не хотел бы я заснуть, когда он рядом. Да, приходится признать – большинство гяуров жирные холощёные хряки, но если уж встречается меж ними такой вот зверь... Шайтан у него в подручных ходит, точно. Хорошо, что он на нашей стороне. Но ещё лучше было бы его никогда не видеть»

Резкая боль пронзает затылок, я вскрикиваю и просыпаюсь. Голову ломит, но я вскакиваю на ноги. И едва не падаю. Привалившись к стене, перевожу дыхание. Ну нет, шалишь! Я тебя не упущу!

Люк едва успевает исчезнуть перед моим носом, с такой скоростью я бегу. Второй люк, третий... Ага, это то, что на-

до!

На стеллаже ровно лежат тугие скатки боевых скафандров. Я нахожу свой, одновременно давая вызов:

«Кокон мне, быстро!»

Секундное замешательство – сервер идентифицирует мою личность. Коле-Хрусту, Геннадию или даже деду Иванычу он, без сомнения, вежливо, но твёрдо отказал бы – такой приказ должен подтвердить кто-то из постоянного ангельского персонала базы. Но сотруднику службы внешней безопасности сервер, разумеется, отказать не может.

«Кокон готов»

Я уже напяливаю скафандр, торопливо проверяя всевозможные системы и устройства. Со свистом рассекают воздух острые металлические кромки усилителей крыла – будто приросли к крыльям, честное слово... Я не потеряю тебя в людском море Москвы, Фархад... И ты нам всё расскажешь, всё-всё, как старательный малыш стихи на утреннике в детском саду. И про своего дружка тоже...

«Минимальное время полёта до Москвы?»

«Уточни место»

«Посёлок Быково»

«Четыре минуты восемнадцать секунд»

Я уже выскакиваю на крыльцо, надевая на ходу круглый прозрачный пузырь шлема. О-оп! Кокон берёт меня, едва я миную последнюю ступеньку. Ещё через пару секунд смутная громада скита бесследно исчезает, сменяясь тёмной мас-

сой ночного леса.

«Быстрее!»

«Ускорение предельное, с учётом допустимого уровня акустической и тепловой демаскировки»

«Хорошо, так держать!»

Облаков над Селигером сегодня нет, и лунный серпик еле заметен, поэтому я не замечаю, когда кокон переходит в горизонтальный полёт. Ладно... Сейчас...

Ага, вот и родная столица. Сплошное море огней. И хотя облака над Москвой имеются, свечение только усиливается от этого – облака кажутся люминесцирующими.

Кокон уже круто заворачивает вниз, и я от нетерпения привстаю, вглядываясь в темноту. Как будто можно увидеть с такой высоты одинокую машину...

«Уточни место высадки»

«Здесь, на высоте пятьсот метров»

«Принято»

Я включаю индивидуальную невидимость, и тут же кокон выплывает меня в воздух. О-оп! И я уже лечу в холодных струях ночного ветра. ГДЕ?

Оказывается, зря я боялся. Не так это и сложно, выходит, найти машину посреди спящего посёлка. Впрочем, уже не посреди. Какой-то пустырь рядом с домами, кусты, удачно маскирующие две стоящие машины с потушенными фарами. Всё-таки ангельское зрение – замечательная вещь, я даже могу разглядеть марку машины. Это вот «Тойота-Корол-

ла» вроде, а второй и вовсе «Москвич 2140». Что же это Истинно Разумные так жмотятся... Не могли своего агента на приличную тачку посадить... Ага, а вот и они, ребяташки. Две фигуры что-то достают из багажника «Москвича».

Крылья с шумом поднимают маленький вихрь, но я предусмотрительно сажусь в полтора метра от стоящих в тени автомобилей, и две фигуры продолжают своё дело, ничего не заметив. Я осторожно, тихо шагаю к ним, стараясь не хрустеть валяющимся под ногами мусором. Или надо было сразу обрушиться на них с небес, как и подобает ангелу? Нет, осторожность всё же не помешает...

—... Значит, ты понял – бьёшь только на взлёте.

– Я понял, Иварс.

Я вслушиваюсь в мысли сидящих в салоне «Тойоты». Да ведь он боится! Фархад, казавшийся мне воплощением Зла, явно боится этого Иварса. Да, ненавидит и оттого ещё больше боится. Я ловлю его мыслеобраз – как он видит собеседника – и вздрагиваю.

Потому что рядом с Фархадом сидит тот самый незабвенный Иван. То есть, разумеется, один из его бесчисленных близнецов-биороботов. Я даже вижу взгляд этого Иварса глазами самого Фархада, и понимаю, отчего он так боится. Никакой человек, будучи даже воплощением Зла, не может спокойно глядеть в глаза-объективы механизма, не просто лишённого души, а никогда её не имевшего. Я вспоминаю визит того Ивана – ведь я готов был кинуться на него с го-

лыми руками.

–... «Стингер» достанешь в последний момент. После выстрела трубу бросишь и сразу уходишь. Вот ключ от того гаража, что я тебе показал. Дорогу запомнил?

– Да, Иварс.

Вот интересно – самостоятельно говорит этот Иварс, или транслирует речь кукловода? Впрочем, вряд ли «зелёные» будут так подставляться без нужды. Даже связь на гравитационных волнах ангельская техника вполне способна засечь.

–... Из Москвы сразу уйти не пытайся. Пересиди суток трое в гараже, потом уйдёшь спокойно. Еда и вода там есть. Уходи на второй машине, эту оставь в гараже. Никому не открывай, даже если это буду я. Связь только по телефону.

– Я всё понял. Аллах не забудет тебя, Иварс.

Вежливая улыбка на лице биоробота, пожалуй, ещё хуже, чем взгляд. А впрочем, всё едино...

– Тут всё, – Иварс достаёт толстую, как брусок, пачку. – Сто тысяч долларов. Можешь пересчитать.

– Я верю, зачем?

Новая улыбка механизма.

– Тогда удачи.

Робот выходит из машины. Да, когда он сидит, и не видно его лица, то биоробота вполне можно спутать с человеком. И даже когда идёт спокойным шагом, если специально не приглядываться. Но вот как он вышел из машины... Неужели этот Фархад не видит? Нет, видит, конечно. Но мозг обычно-

го человека уверенно отметаает все фантастические версии. Конечно, Иварс человек, а кто же ещё? А с координацией движений у всех могут быть проблемы... Да и не проблемы это – дай Бог всем нам такую координацию. Может, брейком человек увлекается, вот и усвоил такие движения...

– И ещё... – Иварс уже стоит, придерживая дверцу. – Жизнь штука сложная, сам знаешь. Но самой глупой идеей будет исчезнуть из Москвы, не сделав работу. Никакой Аллаха не поможет после такого поступка.

– Зачем эти слова, Иварс? – это Фархад.

– А разве это я сказал про тебя?

Момент, когда в руке Иварса оказался плазменный разрядник, я упустил. И едва успел включить защитное поле, отклонившее шипящий ослепительный шнур от моей головы. Очевидно, объективы биоробота тоже кое-чего стоили – надо же, сумел разглядеть в ночной темноте лёгкое марево...

В следующий миг я привожу в действие поражатель – гравибой расплющил бы в блин и стоявшую рядом машину. Но вместо того, чтобы разлететься на куски белого мяса и металлокерамических костей, Иварс превращается во вспышку ослепительного огня. Последнее, что я успеваю понять гаснущим сознанием – в нём бомба...

* * *

Размытые цветные пятна танцуют свой таинственный та-

нец, исполненный скрытого смысла...

Скрытого? Нет, на сей раз смысл открыт и ясен, как надпись на заборе: «ДУРАК».

– Имеет место факт. – раздаётся голос свыше.

Я открываю глаза. В голове стоит лёгкий звон, и размытые цветные пятна не торопятся покидать пределы моего поля зрения. Всё тело ноет, как будто меня избили палками.

Я лежу в громадной ванне, до боли знакомая крышечка нависает надо мной. Справа и слева стоят Аина и мама Маша. Ангельские лики плохо приспособлены для выражения отрицательных эмоций, но сейчас им это удаётся. Про глаза я уже молчу – взгляд Аины напоминает взгляд разъярённой кошки, а в глаза мамы Маши сейчас вообще лучше не смотреть. Одного взгляда в эти глаза хватит, чтобы даже самый матерый эсэсовец немедленно застрелился от стыда.

– Как себя чувствует наш пациент? – роскошное бархатное контральто. Тон также не вызывает никаких ненужных иллюзий – таким тоном разговаривают с даунами среднего уровня развития, пытаясь получить от них вразумительный ответ.

– Плохо... – честно признаюсь я. Стыдно... Ой, как стыдно...

– Ничего, Рома, главное уцелело, – мама Маша взглядом указывает на мой низ живота. – А голова, это совершеннейшие пустяки.

– Не скажи, Мауна, – подаёт голос Аина. – Голова ему

нужна для смещения центра тяжести тела.

Они обе смотрят на меня, и я жутко жалею, что не могу всосаться в дно ванны витализатора, подобно отросткам-манипуляторам.

– А ещё он в неё ест, – вбивает последний гвоздь Аина.

Мама Маша вздыхает.

– Ладно, Рома. Если хочешь, можешь ещё полежать. И вообще оставаться в витализаторе до момента отправки. Тут ты в безопасности, по крайней мере.

– Определённо, – подтверждает Аина. – Во всяком случае, я лежачих больных не трогаю.

Мама Маша направляется к выходу.

– Разбирайся с ним сама, Аина. У меня полно работы.

«И спасибо тебе от Уэфа, Рома. Ты здорово помог!»

Стыдно... Ой, как стыдно...

Моя наставница, наскучив созерцанием лежачего бедолаги, вздыхает.

– Ладно, напарничек. Я обещала твоей Иолле, что ни одно перо с тебя не упадёт, и я выполню своё обещание. Как бы ни хотелось мне лично выдрать тебе пёрышки. Вылезай уже!

Я выбираюсь из витализатора, держась за край. Всё-таки мне здорово досталось, похоже...

– Твоя контузия – моя последняя надежда, коллега. А вдруг ты всё-таки поумнеешь? Ведь случаются же в жизни чудеса, верно?

Случаются... Но только не такие...

Аина фыркает смехом, и я робко смотрю на неё – смех обычно добрит человека, ангела тем более...

«Даже не надейся» – улавливает она мою мысль. – «Пойдём ко мне, продолжим беседу»

Я понуро бреду за своей наставницей, и в голове вновь и вновь звучит издевательская фраза из того фильма: «какой помощник для папы Карло!»

Каков помощничек для папы Уэфа...

В комнате Аины на сей раз витают ароматы лаванды и полыни. Она указывает мне на ковёр, усаживается напротив.

– Ну что, Рома. Давай подведём предварительные итоги. Тебе было дано задание. Выполнено?

– Нет... – я смотрю в пол.

– Что сделано? Отвечай!

Я поднимаю глаза, подтягиваюсь. В самом деле, нечего разыгрывать сценку «опять двойка». От меня ждут ДЕЛА.

– Я обнаружил Фархада. Проследил его путь до Москвы, локализовал текущее местонахождение. Он шёл на встречу с биороботом «зелёных», которого называл Иварс. Но я тогда не знал, что Иварс этот – биоробот, потому как не знал этого и сам Фархад. Я уловил, что они готовят какую-то акцию, теракт, но тут разболелась голова, и я проснулся. Я испугался, что упущу объекта – к тому времени он был в Быково – и направился туда, используя транспортный кокон. Мне удалось обнаружить с воздуха две машины, стоящие в укромном месте, в одной из них я опознал машину Фархада.

Я приземлился поодаль, чтобы не вспугнуть их, осторожно подошёл ближе, намереваясь прослушать разговор и мысли. Как я понял, Фархад должен был сбить пассажирский лайнер, пользуясь «стингером»...

– С этого места подробнее.

– Хорошо, Аина. Значит, так... Этот Иварс передал Фархаду «стингер» и инструкции – бить лайнер только на взлёте. Ещё инструкцию, как уйти из Москвы после теракта – отработанную трубу от «Стингера» бросить, спрятаться в каком-то частном гараже и пересидеть трое суток. Уходить не на своей машине, а на той, что стоит в гараже... Да, передал ему ключи от того гаража и сто тысяч долларов за работу.

– Подробнее, пожалуйста. В каком гараже? Чей гараж?

Я вновь опускаю голову.

– Я не успел выяснить.

– Но ты успел выяснить, какой именно самолёт должен был сбить этот Фархад?

– Нет... Я вообще не понимаю, зачем «зелёным» такие сложности. С их техникой устроить катастрофу...

– А, ты и этого не понимаешь? «Зелёным» не нужна авиа-катастрофа, очевидно. В данном случае им нужен был конкретно теракт. А теперь о главном, Рома. Ты хотел взять «языка»? Или даже двух?

Я опускаю голову ниже.

– Я понял, Аина, правда.

– Да ни хрена ты не понял! – голос Аины звенит. Говорит

она по-русски, потому как ангелы практически не используют подобных выражений: данный овощ им незнаком, а названия половых органов в Раю никак не являются ругательствами. Вообще в Раю с ругательствами туго, тут люди дадут ангелам сто очков вперёд. – Все нити обрезаны так чисто, как самими «зелёными». Но это ещё полдела. Ты в курсе, что этот... гм... Иварс наверняка сообщил о твоём явлении? Ты понимаешь, что ты фактически дал знать «зелёным», что мы вышли на них? Ты представляешь, что было бы, если бы там рядом оказалась «тарелка»? Тебе ведь известно местонахождение этой базы. Ты вообще способен ДУМАТЬ, или только слегка соображать?

Я тяжело вздыхаю. Теперь мой вид не тянет даже на картину Репина «Опять двойка». Скорее, на картину «Последний кол».

– Ну, а про двух оставшихся объектов, отданных тебе в разработку, я не спрашиваю. Не дошёл ход, я понимаю. И это просто замечательно, скажем прямо. Иначе вся наша работа тут полетела бы в утилизатор.

Тяжкое молчание разливается по комнате.

– Биан требует твой отправки в Рай, Рома. На замену тебе прибывает Уот. Сейчас он занят, так что это будет завтра. По местному времени где-то в полдень.

Вот теперь я поднимаю голову, встречаясь с Аиной взглядом. И глаза её уже не напоминают глаза разъярённой кошки. Печальный взгляд, чего там.

– Если ты отправишься домой один, сюда ты точно больше не вернёшься, Рома. Биан проведёт с тобой заключительную беседу и покажет, откуда удобнее взлетать.

– Что мне делать, Аина?

Её взгляд опять тяжелеет.

– Ну хорошо, я показываю тебе. Единственный и последний раз. Если ты не поймёшь – мы с тобой больше не работаем, извини.

В руке Аины уже светится экранчиком маленький сотовый телефон.

– Вот это, Рома, примитивный аборигенский прибор электромагнитной связи, именуемый телефон. Пока доступно?

– С трудом... – всё-таки не удерживаюсь я. Конечно, не в моём положении хамить начальству... Но чего она так-то?

– Ничего, это было самое сложное. Дальше будет проще.

Аина быстро тычет пальцем в клавиатуру. Прикладывает прибор к уху. Я понимаю, что это чисто психологическая демонстрация – во-первых, в этих местах покуда нет сотовой связи, а во-вторых, даже если бы была, радиоволны погасит система маскировки. Вот тот самый «тотем» устройства контроля эфира, что на стене в моей комнате. Так что телефон всяко работает через аппаратуру связи самой базы.

– Алё, Николай Николаич? – говорит она неожиданно бархатным роскошным контральто, весьма похожим на «базовый» голос мамы Маши. – Вас просили предупредить. Они выехали. Да. Четыре машины, человек восемнадцать. Нет, я

вам не могу сказать, потому что не знаю. Меня просто попросили сказать – привет от Ската. До свидания.

Аина нажимает отбой и снова набирает номер.

– Паришься, Димон? – на этот раз Аина говорит развязным голосом молодого отморозка, каких боятся порой даже самые матёрые уголовные авторитеты. Потому как для таких и сам Господь Бог не авторитет. – Значит, так. Берёшь своих и пулей на угол Мичуринской и Бляхера. Дуры возьмите, они тоже не пустые будут. Мочите козлов с ходу, ага. Болванки есть у вас? Вот в каждую таху им по одной опосля, для надёжности. Всё, давай.

Она вновь нажимает «отбой».

– Одну проблему решили. Идём дальше.

Аина щёлкает пальцами в воздухе, и перед ней вспыхивает виртуальный дисплей.

– Анвар? – на сей раз я мог бы поклясться, что говорит если не сам Усама Бен Ладен, то по крайней мере заматерелый арабский террорист с двадцатилетним стажем. Горганый хриплый голос. Аина говорит по-арабски (или по-чеченски?) быстро, мне неизвестно ни единое слово, но я всё-таки телепат, и потому улавливаю смысл – это приказ «выдвигаться». Куда именно, я уловить не успеваю, Аина прекращает связь. И тут же вновь выходит в эфир.

– Девятый, девятый, где вы сейчас? – Аина выслушивает ответ. – Доверните влево десять, через семь минут будете над целью. Два грузовика и одна «Нива» впереди, с отрывом.

Работайте «атаками» с дистанции, затем на добивание. Да, наши там подойдут попозже, так что осторожней, не ошибитесь. Как понял? Хорошо. Я на связи.

Она снова переключает связь, причём на сей раз слышны треск и шорох эфира.

– «Кыштым», «Кыштым», я «Уфа» – теперь это мужественный голос как минимум полковника. – Как слышно? Значит, так, ребята. Сейчас мимо вас будут проезжать гости, им станет плохо. Так вы уж не откажите в помощи пострадавшим. Не, не надо их мучить. Сделайте хоспис, и всё. П... ц котёнку, срать не будет! Всё у меня.

Аина смотрит на меня сквозь прозрачное свечение дисплея, висящего перед ней.

– Вот и вторая проблема отпала с треском. Ну, отпадёт через... да, уже через пять минут. Я вижу вопрос, который вертится у тебя в голове. Нет, Рома, я не ты, я концов не обрезаю. Пока ты валялся в витализаторе, мне удалось сделать и твою часть работы. Те двое должны были совершить свои чёрные дела и исчезнуть. Я просто немного ускорила процесс их перехода в естественное состояние – трупы ходить по земле не должны. И сейчас вот сорвала акции, запланированные «зелёными». Но прежде я узнала их связи, Рома, и это главное.

Дисплей гаснет, устраняя зыбкую виртуальную преграду между мной и наставницей.

– ТЫ ПОНЯЛ?

– Понял... – я смотрю на неё со смешанным чувством, которому более всего подходит название «благоговейный ужас». – Волки от испуга скушали друг друга...

– Чего? – Аина прищуривается, вылавливая смысл половицы-поговорки в моей голове – Ага, вижу, всё-таки что-то понял. Ну что, коллега, будем работать?

– Скажи... – я сглатываю, – ты так всех можешь?

Аина вздыхает так тяжело, что и без телепатии можно уловить общий смысл – ну что взять с контуженного биоморфа?

* * *

Я понуро сижу на скамейке за баней. Той самой скамейке за той самой баней, где всё началось.

Папа Уэф возникает бесшумно. Молча садится рядом.

«Я здорово влип, папа Уэф. И подставил Аину»

«Это так. Я предупреждал тебя – в вашей конторе придурков не любят»

«Скажи... Меня выгонят?»

Несколько секунд раздумья.

«Не знаю. Я бы выгнал»

«Спасибо»

«На здоровье. Ты пойми Биана. Зачем ему твой труп? И, возможно, не только твой. Он отвечает за дело, и за жизни своих сотрудников тоже»

«И что мне делать?»

Папа Уэф издаёт тяжёлый вздох.

«Не знаю. НЕ ЗНАЮ! Можно, конечно, попытаться устроить тебя в группу подготовки миссионеров, но это будет только отсрочка. Потому что ты не справишься»

«Что, я так безнадежно туп?»

«Дело не в этом»

Он смотрит мне в глаза тяжело-пронзительно.

«Если ты не удержишься сейчас, ты не сможешь работать и в миссии. В тебе ЭТО засядет, как гвоздь. Плюс ко всему ты поступишь уже с подмоченной репутацией. К тебе не будет стопроцентного доверия, понимаешь? Ты не представляешь, как это страшно, Рома, когда товарищи относятся к тебе с опаской. Ненадежный – это будет твоё клеймо, смыть которое трудно»

«Всё ясно, папа Уэф. Придётся мне поступать в службу очистки пресных водоёмов. Да мало ли в Раю хороших и нужных профессий!»

Его взгляд становится тяжело-пронзительным:

«А это уже будет бегство. Бегство от самого себя. Послушай, что я тебе скажу. Твоё призвание – Земля. Как и призвание Иоллы. Если ты сейчас сбежишь...»

«Или меня уйдут»

«Не перебивай! Если ты сбежишь от самого себя, то потом рискуешь и не найти. И это станет началом конца. Потеряв себя, ты в конце концов потеряешь и мою дочь»

Перед моим внутренним взором вереницей проплывают

наведённые мысли-образы. С каждым днём всё смурнее и холоднее становится в нашем с Ирочкой доме. Понемногу, постепенно. Сперва она изо всех сил старается, но помочь тому, кто не найден, невозможно. И вот уже вместо лучезарного света в таких любимых глазах проступает боль и отчаяние, которое сменяется безразличной пустотой... Нет!!!

– Что мне делать, папа Уэф? – я почти кричу, перейдя на звук.

– А разве я не сказал? – удивлённо смотрит Уэф. – Думать, разумеется, что же ещё? Всё, Рома, образ очаровательного балбеса для тебя исчерпан. Как и время на раздумья-колебания, отпущенное тебе жизнью. И надо делать ход. Взятся – ходи. Всё у меня!

* * *

– Аина, я хочу работать.

На моё счастье, Аина как раз отдыхает. Сидит одна в трапезной и жуёт ватрушки вперемешку с лимонами, обильно запивая молоком.

– Можно. Будь добр, поставь ватрушки в хлебницу и молоко в холодильник. Эта задача должна оказаться тебе по силам. А лимоны я доем.

– Это жестокая шутка, Аина.

– В каждой шутке есть доля шутки. А всё остальное правда. Как думаешь, сколько процентов правды в этой?

Вместо ответа я беру корзинку с ватрушками и уже изрядно опустевшую крынку с молоком, молча несу, куда велено. Задания следует выполнять, как бы там ни было.

Уже затылком я ощущаю – моя наставница несколько смягчилась.

«Неужели контузия таки дала положительный результат?»

Я возвращаюсь, сажусь рядом с ней на лавку верхом. Смотрю ей в глаза отчаянно-умоляюще.

– Помоги мне, Аина.

В её глазах исчезла едкая колючесть, засветились озорные огоньки.

– Я не могу, Рома, я уже замужем. А так бы, честно, пошла за тебя, не глядя на диаграмму. Вот прямо сейчас. За один вот такой взгляд.

Я не опускаю глаза. Она поймёт, не может не понять. Она же ангел, в конце концов. К тому же потомственная телепатка. Так что прочтёт, и слова тут лишние.

Теперь и озорство исчезает из её глаз, и они становятся глубокими и серьёзными.

– Ладно, давай попробуем. Я вижу, Рома, что ты **МОЖЕШЬ**. Но между «мочь» и «сделать» лежит порой огромная дистанция.

– Мне некуда отступать. Я сделаю.

Аина аккуратно доедает последний лимон.

– Пойдём ко мне. Там закончим беседу.

-... Теперь я понимаю, что тут есть и доля моей вины. Я-то расслабилась – Великий Спящий, да почти Всевидящий, чего ещё надо? Раз оторвался от земли, так полетит, никуда не денется. Но, видимо, с биоморфами всё сложнее.

Мы сидим в комнате у Аины. Ковёр приглашен, и свет, льющийся с потолка, тоже. Даже окно затенено. В комнате разлиты ароматы, источники которых я определить не в состоянии. Да и не до ароматов мне сейчас, если откровенно.

– Я всё время говорю, что ход мыслей человека иногда невозможно предсказать в принципе. Однажды я случайно видела сценку из жизни аборигенов – мальчик лет десяти играл с маленьким пушистым домашним зверьком... да, котёнком. И вдруг ни с того ни с сего бросил его в зев печи, где горел огонь. И сам бросился спасать, полез в печь голыми руками. Обгорели оба. Мальчик плакал и страшно раскаивался в своём поступке. **НО ВЕДЬ ОН ЭТО СДЕЛАЛ!** Легче ли было зверьку от того, что маленький придурок его пожалел после того, что сотворил с ним?

– При чём тут? – не выдерживаю я. – Нельзя судить о людях по таким вот придуркам!

– Да неужели? Если бы это был один придурок... Люди массово совершают идиотские поступки, а потом долго и слёзно раскаиваются, размазывают сопли. Даже существует

такая идиотская присказка: «не согрешишь – не покаешься, не покаешься – не спасёшься». Как будто соплями можно отменить уже совершённое зло! А в этой стране и вовсе существует дикий обычай – если человека признают дураком, он не отвечает даже за тягчайшие преступления. Здесь вообще имеет место культ дурака. А тех, кто умнее других, не любят и всячески стараются усложнить им жизнь.

Я молчу. А что тут скажешь? Против правды не попрёшь... Дуракам везде у нас дорога, дуракам везде у нас почёт. «Блаженные нищие духом...»

– Но мы отвлеклись. Время послеобеденного отдыха заканчивается, а у меня полно работы. Вот тебе портрет подопечного.

В воздухе вспыхивает изображение, и у меня отваливается челюсть. Да не может быть!

Мальчуган лет шести, не больше. Да, точно. Вот дата рождения – неполных шесть лет. И это агент «зелёных»?!!

Аина громко и заразительно хохочет, и я улыбаюсь, уже видя-ощущая ответ.

– Ох, уморил... Ты, кажется, был рыболовом в бытность бескрылым аборигеном?

– Было такое.

– Тебе известно слово «живец»? Так вот, Рома. Это вот «живец», а ты будешь рыболов. На этого малыша должны выйти «зелёные», причём в течении ближайших часов.

– Выйти и...

– И убить. Он им не нужен.

Я перевариваю услышанное.

– Скажи... он кто, этот малыш? Гений?

– Вряд ли. Нормальный смышлёный пацан.

– Тогда я не понимаю. Зачем...

Аина вздыхает.

– Ладно, Рома. Объясняю. «Зелёным» этот ребёнок не нужен. Им нужна его мать. После гибели ребёнка женщина будет почти невменяема, и к ней подкатит некий утешитель, заботливо подсунутый «зелёными». Верёвки он из неё будет вить... Это не мои рассуждения, этот прогноз выдала прогностическая машина Уэфа.

Скулы у меня сводит от бешенства. Значит, и такими приёмчиками балуются Истинно Разумные...

– А сейчас, Рома, объясни-ка мне своё задание. Сам и без всяких подсказок. Если изложишь правильно, получишь его. Если нет, пойдёшь приятно проводить время до отбытия с Земли. Только ко мне больше не подходи и не отвлекай. Так и быть, я крепко обниму тебя на прощание.

Я выпрямляюсь.

– Беречь пацана как зеницу ока. Когда на него выйдет человек «зелёных»... или нечеловек...

– Это вряд ли. Не станут они посылать биоробота, тут он не в тему. Для такого дела куда более годится одноразовая шваль местного происхождения. Пойманный маньяк...

– Я понял. Когда на него выйдет человек «зелёных», от-

следить его и найти работодателя. Сообщить тебе...

– Хорошо, Рома, хорошо!

– ...Далее попробовать отследить работодателя – возможно, промежуточного агента...

– Неправильно. Не попробовать, а отследить.

– ...Отследить промежуточного агента. Выйти на собственнo «зелёного»...

– Вернее всего, это будет очередной «Иван».

– ... Я понял. И сообщить тебе. Ждать дальнейших указаний.

Аина улыбается.

– Ну что ж, правильно мыслишь. Ты вообще-то парень ничего, когда вне обострения. Мы бы давно подавили здесь всех «зелёных», если бы цепочки не упирались в таких вот «Иванов» и «Иварсов». Прочесть мысли механизма невозможно, тут телепатия бесполезна.

Она вдруг становится очень серьёзной.

– Ты забыл...

– Не забыл, Аина. Мальчик должен остаться жив и здоров при любом раскладе.

– Верно. Помни – жив и здоров! Есть вопросы?

– Только один. Мне его не трогать... который придёт?

Аина смеётся.

– Ты можешь трогать его везде, где понравится. А также ронять на пол и с балкона, хоть там и третий этаж. Главное – не обруби концы!

Всё-таки есть в таких вот маленьких русских городишках некое очарование. Здесь размывается грань между городом и деревней, и через улицу, по-современному закатанную в глянцевый асфальт, важно шествуют гусь с двумя гусынями, покуда ещё не обременёнными многочисленным семейством. И новая иномарка, белый «Ауди», тормозит, вежливо пропуская молодую гусиную семью, совершающую моцион к близлежащей большой луже. И название-то какое прелестное – Клинцы!

Впрочем, мне сейчас не до любования красотами и достопримечательностями Клинцов. Кокон выгрузил меня прямо над городком на полукилометровой высоте, и я плавно снижаюсь широкими кругами, высматривая с высоты нужный мне дом и его окрестности. Ага, вот этот дом, а вот и тот самый балкон на верхнем, третьем этаже. И не застеклён, гляди-ка... А ну!

Я камнем падаю вниз, торможу крыльями и с шумом и хлопаньем опускаюсь на перильца балкона. Пальцы ног, обутые в носки-перчатки боевого скафандра, намертво вцепляются в перила. Перильца скрипят, но мой вес не так уж велик, и они выдерживают. Я спрыгиваю на балкон, чисто подметённый и не захламлённый, что не каждый день встречается в России. Прохожий, идущий по улице, удивлённо вски-

дывает голову, ища глазами источник шума, и я даже успеваю прочесть у него в голове промелькнувшую мысль: «Гусь, что ли, пролетел?» Так ничего и не увидев, прохожий продолжает свой путь, я же внимательно разглядываю сквозь стекло внутренности квартиры.

Обыкновенная квартирка, двухкомнатная и скромнометражная. И убранство под стать – мебельная стенка, стол, диван или тахта, раскладное кресло... А на полу, на ковре, среди рассыпанных игрушек, сидит мой подопечный. Пацан увлечённо дудит и шипит, надув щёки, управляя боем пластмассового робота-трансформера с древней русской игрушкой «Ванька-встанька», неизвестно как дожившей до наших дней.

Я достаю из кармашка маленькую блестящую штучку, напоминающую современную газовую зажигалку – универсальную отмычку. Приседаю на корточки, осторожно подношу её к тому месту, где находится шпингалет балконной двери. Короткий мыслеприказ, и крохотная умная машинка легко и бесшумно отпирает шпингалет.

Я привстаю на цыпочки, тянусь к верхнему шпингалету... Не достаю. Я не достаю! Что делать?

Я оглядываюсь. Хоть бы стул-табуретку, хоть бы ящик какой... Но балкон девственно чист, как в новостройке. Вот так... Мелочь, которую не уловит никакая самая навороченная прогностическая машина. Я же теперь маленький, а шпингалеты рассчитаны на рост взрослого аборигена!

А, ёкарный бабай!!!

Я вспрыгиваю на перильца и взмываю вверх. Оглядываюсь с высоты. Ага, вот!

Я буквально пикирую во двор, где в неопрятный штабель сложены два десятка деревянных тарных ящичков. В углу, на ящичках же, удобно расположилась тёплая компашка, на расстеленной газете стоит бутылка водки и немудрёная закуска. Пара пустых бутылок стоит рядом – очевидно, процесс уже близится к завершению.

Я хватаю один из ящичков со штабеля и с места взмываю вверх, краем глаза улавливая тупо вытаращенные глаза пьяной компании. Впрочем, они вряд ли поняли, что произошло.

Я лечу назад, прижимая неудобный и тяжёлый ящик к груди, чтобы надёжно скрыть его в своём маскирующем поле. Быстрее, быстрее!

Моё второе пришествие на балкон происходит ещё более шумно, чем первое – перила скрипят под увеличенной тяжестью, крылья хлопают возмутительно громко. Я устанавливаю ящик возле балконной двери, и тут замечаю, что малыш оставил свои игрушки и подходит к балконной двери. Я замираю, и он останавливается, заинтересованно разглядывая сквозь стекло трепещущее марево – а с двух шагов оно очень даже заметно, между прочим.

Мой мозг лихорадочно ищет выход. Что делать? Если сейчас отпереть шпингалет и открыть дверь, малыш наверня-

ка ударится в рёв, если не в истерику. Не говоря уже о том, что моё инкогнито будет безусловно утрачено – ещё шаг, и я стану видимым. Применить гипноз, или бессловесную суггестию? Попробую!

Я изо всех сил пытаюсь внушить ребёнку, что он хочет пи-пи. Мальчик мнётся, но терпит. Вот упрямый пацан!

И тут упрямый пацан делает неожиданный ход. Он хватает небольшую табуреточку–пуфик, с неё взбирается на подоконник и сам отпирает шпингалет. Так же ловко, как обезьянка, слезает вниз. Мне уже ясны его намерения, и я, пожалуй, мог бы срочно эвакуироваться с балкона, просто перемахнув через перила. Но я колеблюсь, и решающие секунды упущены. Балконная дверь распахивается, и малыш, пройдя через маскирующее поле, утыкается мне носом в грудь.

– Ты кто? – в широко распахнутых глазах нет ни тени страха. – Ты Бэтман, да?

– Не... я Рома... – растерянно ляпаю я. И откуда что берётся?

Малыш отступает на шаг, другой.

– Ой, щекотно! Чешется... А почему тебя уже не видно?

– А это специально, чтобы люди не беспокоились. Можно, я войду?

Малыш впадает в раздумье.

– Мама не велела мне никого впускать с улицы.

– Так это с улицы, а с балкона?

Он засовывает палец в рот, усиленно сосёт, вызывая при-

ток мыслей. Впрочем, раздумье длится недолго – очевидно, ребёнок счёл мой аргумент весомым.

– Заходи, – солидно, на манер Верещагина из «Белого солнца пустыни» произносит пацан.

Я вхожу внутрь, мысленно вознося хвалу Бэтману, Уолту Диснею и всем, кто приучил современных детей не различать грани между обыденной реальностью и фантастической сказкой. Я-то голову ломал, как бы не напугать младенца...

– Ну вот, – я закрываю за собой балконную дверь и выключаю ставшую бессмысленной маскировку. – Давай знакомиться, что ли? Тебя зовут Олежек?

– Ага, – малыш смотрит на меня во все глаза. – А ты Рома?

Ну что же, раз я так представился, надо продолжать...

– Да, так меня и зовут.

Пацан обходит меня сбоку, разглядывая.

– Я понял, ты кто. Ты космический ангел. Я про вас всех мультяшек по телевизору видел.

– Точно! – подтверждаю я, сдерживая смех. О времена, о нравы... Если так пойдёт и дальше, похоже, скоро папе Уэфу и его сотрудникам не понадобится никакая маскировка. На них просто не будут обращать внимания – ну подумаешь, летают ангелы, мы в японских мангах и не таких видали...

– Ты же добрый? – это не вопрос, а почти констатация факта.

– Ну конечно! – авторитетно заверяю я Олежку.

– А тебе сколько лет?

– Мне-то? Да... двадцать семь уже... – я очевидно не готов к детским вопросам.

– А чего ты тогда такой маленький? У нас в доме Витька в третьем классе как ты.

Да, логичный вопрос. Я бы тоже засомневался.

– Понимаешь, мы больше не растём. Если я вырос бы большой, толстый дядька, я был бы слишком тяжёлый и не смог летать. Оно мне надо?

Мальчик понимающе кивает. Если он мне сейчас скажет что-то насчёт аэродинамики, я тоже отнесусь к этому с пониманием. Времена, когда дети знали только то, что им полагается знать по возрасту, миновали безвозвратно.

– А ты нарочно прилетел, да? – задаёт Олежек следующий вопрос.

– Ну разумеется! – кажется, я начинаю входить во вкус, давая интервью. – Я прилетел, чтобы спасти тебя, Олежка.

Пацан снова кивает, принимая к сведению моё заявление. Ясен пень, для чего же ещё существуют ангелы, особенно космические?

– От злобных монстров?

– Ну... Не совсем. К тебе сейчас придёт злой человек. Убийца. Он должен тебя убить по заданию злобных монстров.

Вот так вот, как говорит папа Уэф. И вообще, правду говорить легко и приятно.

Глаза мальчика расширились.

– А маму он не убьёт?

Я улыбаюсь ему в ответ, ласково и ободряюще. Нет, мне определённо нравится этот пацан. Не за себя ведь забеспокоился, сразу про маму...

– Успокойся, я его победю. Я же космический ангел, а он просто бандит.

– Ага, – Олежка не сомневается во мне, и это приятно. – А он большой и сильный, да?

– Если он даже будет больше Годзиллы, ему не уйти. Не забывай, я же космический ангел.

– Ага, – мальчик поудобнее усаживается на диване, и я без труда вижу его мысли – он твёрдо намерен ждать столько, сколько потребуется, лишь бы увидеть реальный бой космического ангела с Годзиллой. Вот только меня это не устраивает.

Я сосредотачиваюсь. Мальчик начинает клевать носом. Глаза его закрываются... Всё, кажется. Спит.

Я осторожно укладываю подопечного поудобнее. Ладно, займёмся делом.

Пространство вокруг дома спокойно. Да, похоже, «зелёные» не торопятся, и время у меня есть. Мать моего подопечного работает на железной дороге, и график работы у неё тоже «железнодорожный» – двенадцать часов в день, двенадцать в ночь плюс два выходных. Сегодня она освободится в восемь вечера, так что дома будет не раньше полдевятого...

Между размышлениями я вынимаю из кармашка ска-

фандра маленькую коробочку с круглыми шариками, желтыми и прозрачными – точно витамин «Е» в капсулах из аптеки, только поменьше. Прилепляю один к входной двери, придавив пальцем. Шарик лопается, расплывается, намертво влипая в поверхность двери. Теперь удалить его трудно, только разве отскрести краску с верхним слоем древесины. Второй шарик я прилепляю к балконной двери, отхожу на шаг, другой. Да, незаметно. Это «сторожки», системы сигнализации. Надо ещё где-то рядом расположить летающее «устройство для поражения» и так далее. Дома тут нельзя – хозяйственная женщина обнаружит здоровенный ржавый болт и выбросит. А не она, так пацан, от детей в доме что-либо спрятать практически невозможно...

Вдруг по какому-то словно наитию я включаю прибор невидимости. Причём не «бусы» на шее, к которым привык, как к самой шее, а аппаратуру маскировки своего боевого скафандра, и на всю мощность. Теперь я невидим ни в одном диапазоне спектра, включая тепловой.

Негромкое жужжание, оборвавшееся с коротким слабым стуком-щелчком в окно. На стекле с наружной стороны сидит здоровенная чёрная муха, разглядывая внутренности комнаты, где на диване мирно спит мой подопечный. Именно РАЗГЛЯДЫВАЕТ – я чувствую это. Как? Не знаю, потом. Потом... И опять же, апрель на дворе – не рановато ли являться на свет божий таким вот мухам?

Я включаю встроенный объектив скафандра, не сходя с

места и тем более не подходя к окну. Перед глазами возникает увеличенное изображение «мухи». Шесть лапок с присосками-пурвиллами, как у настоящей мухи, блестящее воронёное тело, прозрачные слюдянистые крылышки с прожилками – тонкая работа. Если бы кто-то прихлопнул такую «муху», то нипочём не заподозрил бы, что это механизм, крохотный летающий робот-наблюдатель. Всё-таки Истинно Разумные могут не так уж мало.

Закончив осмотр, «муха» снимается, чтобы перелететь к другому окну. Я понимаю, следует осмотреть все помещения, включая кухню, дабы исключить нежелательные случайности. Гляди-ка, не ленятся контролировать исполнение... Меня пробирает дрожь. Вот бы я сейчас завалил и это задание Аины. Был на грани. Всё форточки в доме плотно закрыты, и меня пробирает дрожь вторично – а если бы эта тварь проникла в квартиру? И вообще, что стоит при подобной технике убрать ненужного человека – укус такой вот «мухи», и всё... Но я уже понимаю – нет, «зелёным» не нужна смерть этого мальчика по «естественным», непонятым причинам. Это должно быть именно убийство, грязное и жестокое убийство. Чтобы мать вот этого Олежки возненавидела род людской, рождающих подобных подонков. Ненависть – зацепка и опора «зелёных», как для ангелов служит опорой в душах людей любовь.

Ага, а вот и исполнитель. Я пока не вижу его, но уже чувствую. Вот он заходит в подъезд, спокойно и уверенно под-

нимается вверх по лестничным маршам. Останавливается возле нужной двери, оглядывается. Достает отмычки, перебирает. Я содрогаюсь – нет, не могу ЧУВСТВОВАТЬ вот эту тварь. Отвык я от ощущения подобных душ, как хотите. В Раю подобных нет уже несчитанное количество лет, и быть не может. Да, не могу. Но придётся...

Коротко щёлкает входной замок. Убийца входит в дом, аккуратно прикрывает за собой дверь. Ладно, ребята. Всё, ваше время истекло.

«Муха» уже вновь сидит на окне, совмещённом с балконной дверью, чтобы контролировать процесс. Я привожу в действие инфракрасный лазер скафандра. Немножко совсем, на минимальной мощности. Оплавленный трупик «мухи» отваливается от окна. Хорошо, что оператор «зелёных» не пустил двух роботов-наблюдателей. Пришлось бы действовать очень и очень быстро. А так они, вероятно, сочтут гибель «мухи» элементарным отказом.

Убийца же и вовсе ничего не почувствовал. Осторожно заходит в комнату, где на диване спит Олежка. Я тоже разглядываю его. Нет, это не тот типчик. Крепкий мужик, волосатый до пальцев, морда красная такая... И ноздри даже волосатые, вывернуты наружу.

Убийца постоял, разглядывая жертву, достал из кармана шнурок...

– Здорово, сволочь. Как твоя жизнь? Заканчивается?

Он подпрыгивает на полметра, оборачиваясь на лету. Нер-

вы, однако...

– Кто?.. – говорит убийца диким голосом.

Я включаю гравибой – «генератор искусственного гравитационного поля с произвольным вектором». Тоже на малую мощность, совсем на чуть-чуть. Три «же», не больше.

Волосатый рухнул на пол с таким звуком, будто уронили что-то из мебели, буквально сложившись, как складной метр. Не разбудить бы ребёнка, мало ли что гипнотический сон... Четыре «же». Теперь он даже не в состоянии поднять голову. Пять «же». А теперь он не может оторвать руку от пола.

«Думай. Кто. Тебя. Послал»

Выпученные глаза и раздутые волосатые ноздри. Он не понимает, что происходит, и ему не просто страшно – этот тип буквально выль бы от ужаса, если бы не пять «же». Я добавляю ещё пару «же» – чтобы жизнь гражданину окончательно не казалась лёгкой. Теперь ему очень трудно дышать.

«Кто? Тебя? Послал? Думай!»

Ну вот, это другое дело. Я вглядываюсь в мелькающие мыслеобразы. Хорошо. Хорошо! Всё понятно. Достаточно.

Короткий импульс парализатора, и тело окончательно расплющивается, как надувная кукла, из которой выпустили воздух. Я снимаю пресс гравибоя – я не собираюсь его убивать, хотя, вероятно, и следовало бы.

Телефон стоит на прикроватной тумбочке, зелёная пластмассовая машинка с кнопочным номеронабирателем, и я ис-

пользую его. Кстати, в этом есть и ещё плюс. Прослушка телефонной линии – приём настолько элементарный и древний...

– Дяденьки милиционеры! – я говорю голосом Олежки, плачущим и испуганным. – К нам залез чужой дядька, он хочет меня убить! Он запнулся и упал, и теперь не дышит! Я Олежка, а мамы нет дома! Адрес знаю – наш дом большой и красивый, третий этаж! Дяденьки, приезжайте скорее, а вдруг он опять оживёт!

Ну вот, с этим всё. Теперь мне осталось надеяться, что на пульте в милиции дежурит приличный человек. Выяснить, откуда сделан звонок – секундное дело. Наряду милиции, чтобы добраться до места преступления, понадобится ещё пять минут. На всякий случай я всаживаю в лежащего на полу ещё один импульс парализатора, пусть лежит спокойно до прибытия правоохранителей. Впрочем, остальное пацан сделает сам.

– Олежка... Вставай, слышишь?

Малыш просыпается, таращит глаза на лежащего гражданина.

– Это и есть бандит, да? Рома-ангел, ты где?

– Да тут я, тут.

– Ага, ты снова сделался невидимым, что ли?

– Не отвлекайся, Олежка, – я говорю как можно более убедительно, стараясь, чтобы мальчик проникся важностью момента. – Ты сейчас беги к соседям...

– К тётке Кате? – предлагает вариант Олежка.

– Да, к тётке Кате, – меня устраивает тут любой вариант. – Мне пора, Олежка.

– Не уходи! – мальчик начинает сопеть, явно собираясь зареветь. – Я боюсь! Он проснётся и меня убьёт!

– Не бойся, малыш, – я говорю как можно ласковей. – Сейчас приедут милиционеры и его заберут. А вечером придёт мама...

– А ты подари мне своё перо, Рома. На память, ага?

Я в растерянности. Нет, детям поблажек давать нельзя. Враз на шею сядут.

– Но ведь мне будет больно. Вот если я у тебя выдеру волосы на память, тебе же не понравится?

– Давай, дери, – Олежек наклоняет голову. – Ты мне перо, а я тебе волосы. Ага?

Да, пример неудачный. Попробуем по-другому.

– А если ухо оторвать?

Пацан глубоко задумался, явно прикидывая – не стоит ли пожертвовать ухом в обмен на вожаделённое перо. Нет, не решился на столь грабительский обмен. Молодец, вырастет – бизнесменом будет.

– И потом, перья мне нужны для полёта. Так что извини.

– А тогда подари мне что-нибудь. Ты же добрый.

Я уже не могу сдерживать смех. Ну почему хомо сапиенсы сплошь воспринимают доброту столь прямолинейно? Раз добрый, с него надо тянуть, с лоха...

Естественно, ни о каких подарках речи быть не может. Одно дело болтовня маленького мальчика о космическом ангеле из мультика, и совсем другое – вещественное доказательство. Или оставить ему на память поражатель с гравибоем в комплекте? И боевой лазер в придачу...

Скрип тормозов внизу прерывает бег моих ассоциаций. Я выглядываю – у подъезда тормозит машина ППС. Моё время истекло.

– Всё, Олежка, до свидания!

* * *

«Вот он, Рома»

Мы разговариваем с Кио мысленно, но изображение передо мной вполне реально – светящееся окно виртуального объёмного экрана, где в глубине нервно ходит по грязной, запущенной комнате некий субъект, словно состоящий из двух половин – могучий широкоплечий торс покоится на тощих цаплеобразных ногах. Субъект то и дело посматривает на телефон, старинный чёрный аппарат с диском номеронабирателя.

«Кио, я попрошу... Как он выйдет на связь, ты мне сразу тот конец линии покажешь, ладно?»

«Да сделаю!»

Время идёт, субъект нервно ходит из угла в угол. Я читаю его мысли, как широкоформатное кино смотрю – так ве-

лик накал эмоций, прямо брызжет... Я уже прочёл его, это было не сложнее, чем прочесть газету «Спид-инфо», и не менее противно. Это промежуточный агент, Аина была права. Он передал задание непосредственному исполнителю, и деньги тоже. А ему задание дал всё тот же незабвенный Иван, он же Иварс, которого этот тип знает как Дэна. Сколько же у наших противников подобных биороботов, интересно? Со склада они их достают, или изготавливают по мере надобности непосредственно здесь, на Земле?

Ещё раз взглянув на часы, мужчина достаёт из кармана тяжёлый сотовый телефон. Изображение резко увеличивается, помещая аппарат в руке клиента в центр поля зрения, одновременно внизу появляется поясняющая надпись – компьютер идентифицировал аппарат по внешнему виду. «Моторола» стандарта CDMA. Я усмехаюсь. Пациенту даже неизвестно, что в этом городке нет такой сотовой связи. Это явный прокол «зелёных», или они учли неграмотность своего агента, или настолько презирают аборигенов, что не считают нужным особо маскировать свои имитации.

– Алё, Дэн, это я. Он не звонил. Да, сейчас выясню...

Ничего выяснить пациент не успевает. Падает столбом, как стоял, громко стучаясь затылком об пол. «Телефон» же вспыхивает ярким пламенем, мгновенно поджигая всё вокруг. Звон лопающихся стёкол, гул пламени разгорающегося пожара. Всё верно – тот урод уже в отделении, всюю даёт показания, и цепочку надо рвать в самом начале. Зачем

рисковать своим ценным имуществом – биороботом, если гораздо проще убрать никчемного аборигена? Одноразовая сволочь... Однако непростой аппаратик-то подарили «зелёные» своему агенту. Даже не с бомбой, а с таким вот устройством для организации инсультов плюс зажигалочкой...

«Рома, я засёк. Даю картинку»

«Спасибо, Кио!»

«Да не за что. Связь на радиоволнах, запеленговать легче лёгкого»

Система глобального видения уже даёт объёмную картинку – в маленьком скверике на холме, возле городского автовокзала, на скамеечке сидит молодой человек крепкой наружности, с гладким мужественным лицом и в чёрных очках... Я усмехаюсь – вот интересно, та жуткая американская сказка «про терминатора» имела некую реальную предысторию, или всё-таки это гениальное прозрение автора?

Однако, пора докладывать о результатах моей наставнице. Я вслушиваюсь, пытаюсь определить, не грезит ли она – нельзя прерывать столь тонкий творческий процесс. Да нет, похоже, бодрствует.

«Аина, можно тебя отвлечь?»

«Да, Рома. Сделал?»

«Сделал. Смотри, вот этот красавец. Звать Дэном, а фамилии нету»

Биоробот между тем преспокойно пьёт пиво. Ну кто бы мог подумать!

«Ладно, работа принята. Спасибо не говорю, потому как тут не за что»

«Да я и не претендую»

Действительно, Аина дала мне очень простое задание, легко доступное оперативному сотруднику без всяких таких особых способностей. Я её понимаю – обжегшись на молоке, дуют водку...

«Аина, можно вопрос? Они что, и пиво могут пить, биороботы «зелёных»?»

Бесплотный шелестящий смех.

«Да хоть ацетон. Потребляют почти любую органику. Биомасса всеядная»

«Понятно»

«Ладно, Рома. За этим двуногим механизмом следить будут зонды, и я буду поглядывать время от времени. Ты там оставь устройство для поражения...»

«Уже сделал. Я его прямо на крышу, возле водосточной трубы посадил. И «сторожки» в квартире прилепил, у входной двери и у балконной»

Бесплотный шелестящий смех.

«Вот теперь молодец, хвалю. Всё-таки хорошая контузия плюс большая горячая клизма дают иной раз ощутимый терапевтический эффект, правда?»

«Я вот чего подумал... А если они его на улице, а?»

Небольшая пауза.

«Верно. Именно так они и попробуют, скорее всего. При-

чём будет это не несчастный случай и не наезд авто, а именно какое-то гнусное убийство – тут я судить не берусь, я не «зелёный» и даже не человек. Только это случится не скоро, Рома. Пару месяцев они подождут, им не к спеху. Им важно, чтобы всё выглядело естественно»

«Им так нужна эта женщина?»

«Уэф считает – им **ОЧЕНЬ** нужна эта женщина. Причём она должна быть полностью на их стороне, сознательно и целеустремлённо. Они хотят сделать из неё образцового носителя Абсолютного Зла, не иначе. Но для этого она должна возненавидеть людей»

«А нам?..»

Пауза.

«Нет, Рома. Как воин Света она не представляет интереса. Если этот Олежка останется жив-здоров, и мать его останется обыкновенной, в меру стервозной женщиной с нелёгкой судьбой матери-одиночки. Но использовать эту женщину для своих целей «зелёные» не смогут, потому что в сердце её останется любовь»

Я даже трясую головой, как будто меня опять накрыло ударной волной от взрыва биоробота.

Вот. Вот оно. Как поступили бы Истинно Разумные, обнаружив человека, могущего серьёзно угрожать их планам? Естественно, устранили бы угрозу вместе с носителем. Убили бы, и точка. А вот ангелы СПАСАЮТ эту женщину и её сына. Вот и вся разница.

«Ты прогрессируешь на глазах, коллега. Когда по возвращении Биан поставит тебе заключительно-очистительную клизму, я надеюсь увидеть в твоём лице полноценного сотрудника нашей службы. Ладно, хватит болтовни. Бери кон и давай на базу. Тебя ждут новые великие свершения!»

* * *

– Ау, любимый!

Меня словно обдаёт теплом костра. Маленькая моя... Любимая...

Ирочка – то есть её голограмма, естественно – розовеет, сладко потягивается, чувствуя моё любование.

– Я соскучилась по тебе, муж мой. И так как живём мы скромно, без излишеств, деньжищ у меня на счёте накопилось немеряно. Вот я и решила малость потратиться на сеанс межпланетной связи.

– Транжирка моя...

– Ага...

Она сидит по-турецки, слегка распутив крылья – у нас там жарко, как обычно. Я купаюсь в сиянии её глазищ, ласкающих меня взглядом. Моя, моя!

Откуда-то извне передаваемого объёма изображения врывается Нечаянная радость, радостно верещит, хлопая крыльями, при виде хозяина.

– Ух ты моя милашка! Ну здравствуй, здравствуй!

Нечаянная радость устремляется ко мне, исчезая из поля зрения, и я немедленно слышу её возмущённый визг. Ирочка хохочет, и я тоже смеюсь. Всё и так понятно, без телепатии – зверюшка попыталась сесть на голову моему изображению и жестоко обижена.

– Как у тебя дела? – спрашивает Ирочка.

Я разом смурнею. Да, дела... Как сажа бела.

Она улавливает мгновенно.

– Рассказывай, Рома.

Я колебаюсь. Не стоит огорчать беременную жену... И тут же обрываю свою мысль. Ну что за глупости я изобретаю?

– Рассказывай!

И я начинаю рассказывать. Нет, вслух я не произношу ни слова. Но во-первых, ангельская техника связи – это вам не сотовый телефон, она передаёт мысли так же уверенно, как и звук. А во-вторых, все мои мысли по праву принадлежат моей жене, равно как и её мысли мне. Потому что мы – две половинки странного организма, способного временно разделяться надвое.

– ...Вот такие дела.

Я вижу-ощущаю ход её мыслей. Нет, она не будет меня утешать, тем более упрекать. Я вижу, как она ищет пути решения трудной задачи. Папина дочка... И ощущает она ситуацию не как «муж вляпался», а «мы влипли». У кого ещё есть такая жена!

– У папы, например, – в свою очередь улавливает она мои

мысли. – А также у Иого и многих, многих других. Мы же ангелы, Рома. Ты вот что... Не обольщайся насчёт последнего задания. Вроде бы ты исправился и начал работать. В миссии это бы туда-сюда и прошло, а у вас в конторе вряд ли. Даже если ты выполнишь и следующее... Когда тебя отзывают-то?

– Завтра в полдень. Уже сегодня, если точнее.

– Ага. Так вот, если ты выполнишь следующее задание, это нимало не смягчит твою вину. Спроси у Аины.

Я размышляю.

– Вот как... Значит, нет смысла?

– А вот если НЕ выполнишь, твоя вина усугубится.

Она смотрит на меня с полутора шагов и через сотни световых лет.

– Ты до сих пор не понял, Рома. Во-первых, работу НЕЛЬЗЯ НЕ ДЕЛАТЬ. А во-вторых, твоему начальнику вовсе не нужен твой труп. Мы не подставляем своих. У нас нет ни штрафных батальонов, ни камикадзе.

– Я знаю случай...

В Ирочкиных глазах боль и слёзы.

– И ты хочешь повторить этот подвиг? А я, Рома? А как же я?

– Ну что ты, родная... – я в раскаянии. Трепло, лишь бы возразить... – Я вернусь, правда.

– Ладно... – вздыхает Ирочка, смахивая слезу. – Каким ты был, таким ты и остался... почти. Всё потом.

Человек в хорошем костюме и галстукe сидит за столом, вглядываясь в экран ноутбука. Я в свою очередь вглядываюсь в него – типичный офис-менеджер, как их нынче называют. Начальник средней руки, требовательный и энергичный. И по совместительству агент «зелёных». Причём не разовый исполнитель, и даже не постоянный. Этот человек выполняет у местного резидента «зелёных» примерно те же функции, что у папы Уэфа Геннадий Алексаныч Меньшиков. Обнаружить такую фигуру ой как непросто. Большая удача.

«Аина, я его нашёл»

Краем сознания я вижу – Аина отвлекается от своей работы, от светящегося перед ней монитора.

«Нашёл? Хвалю за усердие»

«Рад стараться»

«Передай его Геннадии. Теперь тебе осталось отследить его связи с хозяевами. Так что приятного сна»

«Ехидная ты, Аина»

Бесплотный смех.

«Есть такое дело. Всё, работай!»

Я смотрю на окно – за стёклами уже сгустилась непроглядная темень. Ночь на дворе, уже глубокая ночь. Но до утра времени более чем достаточно. Ладно...

«Геннадий, здесь Рома»

Я уже привыкаю к местной манере – вместо «это» говорить «здесь».

«Да, Рома» – я чувствую, что Геннадий спросонья. – «Я весь внимание»

«Ноутбук включен у тебя?»

«Обязательно»

«Скидываю тебе координаты твоего антиколлеги. Погляди и спроси»

Передо мной вспыхивает виртуальный дисплей. Несколько несложных манипуляций, и вся добытая мной информация вкупе с портретом уже в компьютере у Геннадия Александрыча. Я вижу, как он вглядывается в экран, и сонливость с него окончательно слетает.

«Ха! Так вот, значит, кто играет чёрными... Я твой должник, Рома. Знал бы ты, сколько крови он мне попортил!»

«Я рад, что он тебе понравился»

«Ну ещё бы! Теперь мы с ним сыграем в поддавки, Рома. Теперь он мне будет давать, давать и давать»

«Какой ты сексуальный»

«Ух, какой я на него сексуальный! Спасибо ещё раз!»

«За что, Гена? Мы делаем общее дело. Всё, будь здоров!»

Я отключаюсь, гашу экран. Геннадий очень умный человек, он разберётся. Мне же надо ещё отследить связь этого господина с хозяевами. Ох, как бы это было замечательно, если бы это оказался Истинно Разумный в натуральном виде! Ну или биоморф хотя бы... Если же это опять будет

«Иван»... Прочесть мысли машины при помощи телепатии невозможно, отследить по «следу» тоже обычно не представляется возможным. Они редко выходят на связь с резидентом, эти Иваны, а уж личные встречи вообще случаются в исключительных случаях. А почуяв за собой слежку, без лишних эмоций и раздумий самоликвидируются, напрочь обрезаю цепочку. При воспоминании о встрече с Иварсом меня вновь охватывает жгучее чувство стыда, но я тут же гашу его волевым усилием. Мне надо спать. Надо СПАТЬ, потому как обычными методами тут ничего не добиться.

* * *

Танцуют, танцуют свой танец размытые цветные пятна. Давайте, давайте, ребята, мне надо, мне **ОЧЕНЬ** надо...

Переливаются прозрачные цветные провода мировых линий, среди совсем уже прозрачных, словно остатки тающего тумана, деталей неодушевлённой природы. Я буквально бреду вдоль нужной мне линии, только что не перебирая её руками, точно электрик провод. Да, папа Уэф. Я и не подозревал... Конечно, было бы куда лучше, если бы весь процесс протекал мгновенно, как тогда, в День Гнева. Но зато так надёжно.

В голове появляется пока ещё неясная боль. Опять! Да что же это... Мне нужно... и притом быстро... А ну-ка!

Вместо переплетения мировых линий и танцующих пятен

возникает ехидная рожа мультяшной мартышки из неведомо когда и где увиденного мультфильма:

«А нельзя сразу – бац!?!»

Я просыпаюсь разом, будто от удара об пол, упав с верхней полки. Трясу головой. Сажусь на полу, наблюдая, как в глазах медленно тает призрачная зелень.

Оказывается, вполне можно и «бац».

Я дотягиваюсь до изящного грушевидного кувшина, с узким ребристым горлышком, удобным для охвата рукой. Жадно пью бодрящую, чуть кисловатую жидкость, явно отдающую брусничной. Синтетика, наверное, стилизация под разбавленную брусничную воду. Что бы там ни говорила Аина, но пищевой синтезатор не так уж плох, и для подобных напитков вполне годится. А может, дед Иваныч расстарался. С него станется...

Я встаю, подхожу к люку. Лёгкое усилие мысли, и люк исчезает, как не было. Да, вот если бы и с работой было так просто...

В холле пусто и тихо, с потолка льётся неизменный голубовато-молочный рассеянный свет. В холле свет не так пригашен, как в моей комнате, его вполне достаточно, чтобы мои глаза могли разглядеть даже трещинки в бревенчатых стенах старого скита. Я некоторое время использую такую возможность, тупо и бесцельно отслеживая глазами трещинки, весьма похожие на мировые линии людей, целеустремлённо идущих к намеченной и близкой цели, без всяких от-

клонений и колебаний... Тыфу ты! Мне уже скоро мерещиться будут эти линии!

Я вслушиваюсь в течение мыслей моих коллег. Всё спит в старом ските. Спит папа Уэф, заботливо укрытый крыльями мамы Маши, удобно на нём устроившейся. Спит Иого, точно так же укрытый крыльями своей Юайи. Я даже не пытаюсь проникнуть в мысли спящих. Во-первых, это неэтично, во-вторых, крайне сложно – отсутствие даже смутно оформленных мыслей приводит к тому, что читающий будто соскальзывает с гладкого стекла, не проникая внутрь. И в третьих, мне не это сейчас нужно.

А вот Кио не спит. Понятно, сейчас его дежурство, плюс он же по совместительству контролёр ситуаций. Хорошо хоть, этих ситуаций не так много – на дворе глубокая ночь, четвёртый час по московскому времени. Подопечные папы Уэфа, как правило, не бродят по ночным кабакам и притонам, а тихо-мирно спят в своих постелях. Но не исключена возможность, что какая-либо поэтическая натура выберется полюбоваться на звёзды, а тут и наркоман с обрезком трубы... Москва вообще не тот город, где стоит регулярно гулять по ночам. Да и звёзд там почти не видно.

А вот и Аина, моя наставница. Нет, она не спит. Она грезит. Она ведёт кого-то, точно ведёт. Она работает! И сейчас работает. Я чувствую острый стыд. Да она же взяла на себя почти всё, а я что делаю? Мультишных мартышек во сне разглядываю?

– Рома? Ты чего тут стоишь, не знаешь, в какой люк войти?

Кио стоит у раскрытого люка, держа в руке здоровенную грушу.

– Точно, – чуть улыбаюсь я. – Куда дальше идти, непонятно.

Несколько секунд он разглядывает меня.

– Заходи.

В посту контроля светятся в воздухе виртуальные экраны. Сейчас их только два. Я вглядываюсь – на первом целуются меж каких-то строений парень с девушкой, на втором пожилой мужик с усталым лицом ведёт машину. Остальные экраны погашены и убраны.

– Не одному тебе не спится, – перехватил мой взгляд Кио. – Эти вот ребята нуждаются в пригляде. Но мы не о том говорим. Я так понял, у тебя сложности по работе? Не таи камень в душе, может, и я подскажу чего. Хотя мне до Уэфа далеко.

* * *

– Понятно. Если я правильно понял, ты боишься упустить найденное во сне, если выразаться упрощённо. Да ведь есть техника, Рома! На-ка вот... – Кио извлекает откуда-то блестящий разомкнутый обруч-диадему. – Как проснёшься, надевай на голову, и вперёд, покуда сон не забыл... А лучше

спи в этой штуке.

– И что будет? – я с любопытством разглядываю штуковину.

– Ну как что? Вот ты увидел, к примеру, встречу двух типов. Запомнил и по пробуждении передал в машину. А уж сервер сам найдёт, где это место.

– Как он найдёт, если я сам не знаю? – изумлённо таращу я глаза. Кио усмехается.

– Так это ТЫ не знаешь. А сервер у нас ой какой памятливый, Рома, он в памяти держит чуть не все виды планеты. Сравнит твои увиденные пейзажи со своими, и найдёт. Тут важно, чтобы видения были чёткими...

– Так что же ты раньше молчал! – взрываюсь я. – Я тут сижу, жду такой нужный мне привет...

Да, и папа Уэф хорош. Не мог подсказать, координатор...

– Вот именно, Рома, – смеётся Кио. – Он слишком велик, чтобы помнить навскидку все технические приёмчики. А я тут по технике самый из самых!

– Спасибо, Кио. Всё, я пошёл работать!* * *Взрыв в голове! Я расширяюсь, подобно ударной волне, стремительно и неотвратно. Всё, «зелёнькие», вы меня достали... Если хотите всё-таки успеть застрелиться, то делать это надо очень, очень быстро.

Я поднимаюсь над землёй. Я поднимаюсь над Землёй. Вот так вот, папа Уэф. И никаких мировых линий. Сейчас мы увидим... Сейчас мы сравним...

Вот он! Идёт, красавец. Тёмный костюм, тёмные очки, и даже тёмная шляпа в наличии. Не хватает только плаща и кинжала. Впрочем, плазменный разрядник тоже неплох...

И сквозь этот мОрок я вижу другой – Аина садится на полу по-турецки.

«Спасибо, Рома. Спасибо тебе, напарник. Или конкурент?»

Взрыв в голове! Я просыпаюсь разом, судорожно стискивая подушечку-думочку. А голова-то болит...

«Рома, здесь Аина. Ты в состоянии передвигаться?»

«С трудом...»

«Ну тогда я к тебе зайду»

Я тупо трясую головой, зажигаю яркий свет. Надо же, даже при таком ярком освещении в глазах ещё плавают призрачные цветные пятна...

Люк распахивается, и ко мне входит Аина. В одной руке прозрачный сосуд с жёлтой мутноватой жидкостью, в другой два высоких узких стакана, на дне одного тоже виднеется жидкость, налитая на палец, не больше.

– Выпей вот, Рома, – она протягивает мне стакан с жидкостью на дне. – И будешь спать без всяких видений. Как валенок на печке, по выражению твоего любимого деда Иваныча.

Я растерянно улыбаюсь.

– А как же работа? Я не сделал...

Она усаживается напротив меня, наливает в пустой стакан из кувшина, и запах не оставляет сомнения – это лимонный

сок.

– Точно, – Аина с наслаждением пьёт кислую жидкость. – Это я сама нажала, не из синтезатора. А насчёт работы... Мы выполнили свою задачу, Рома.

– Но как же...

– Всё, Рома, всё. Истинно Разумные залегли на грунт, и мы больше никого не поймем, можешь быть уверен. Все «Иваны», до которых мы сумели дотянуться, находятся под наблюдением дистанционными техническими средствами. Только этим всё и кончится, уж ты мне поверь. Все они полопаются, как местные воздушные шарики, только гораздо громче. Да ты пей уже!

Я послушно глотаю горьковатую жидкость. Снотворное, ясно...

– Снотворное и общеукрепляющее. Не хватает ещё, чтобы ты сдуру надорвался на пустяках. – Аина наливает сок в мой стакан. – Попробуй, вкусно!

Я пью. Ничего, бодрит... Хотя человек бы, наверное, не смог ни проглотить, ни выплюнуть такую кислотину – скулы бы свело напрочь. Вот интересно – дома, в Раю, никто из ангелов не стал бы есть столь кислые фрукты, разве что на большого любителя, а здесь пожалуйста, за милую душу и с удовольствием... Чем-то глянутся им лимоны.

– Значит, мы не сумели...

Она прищуривается.

– Всё ясно с тобой, Рома. Ты полагал покончить с «зелё-

ными» в мировом масштабе, раз и навсегда. И по возвращении перейти в службу очистки пресных водоёмов.

Опять... Далась им эта служба очистки...

– Не совсем так.

– Но близко. Так вот, Рома. Своё командировочное задание мы выполнили.

– Но как же...

– Объясняю для закоренелых биоморфов. Миссионеры, в том числе твой папа Уэф и команда, контролируют ситуации при естественном ходе событий. Но они не могут вести работу при встречном контроле со стороны «зелёных», да и не обязаны. Вот это и есть наша задача – исключить встречный контроль. И мы его исключили. Теперь «зелёные» затаятся. Они хорошо знают, что такое наша контора, и стараются избегать с ней всяческих контактов. И твоему горячо любимому тестю мешать не будут, по крайней мере, какое-то время. Уяснил?

Я только сейчас замечаю прозрачную бледность на лице наставницы. Ангельский лик до такого состояния довести очень непросто, для этого необходимо лобовое столкновение с автомобилем или несколько суток непрерывной работы с «зелёными».

Неожиданно для себя я протягиваю руку и провожу кончиками пальцев по её щеке. В глазах Аины зажигаются огоньки.

– Я всё равно не лягу с тобой спать, Рома. Я замужем.

– Слушай, до чего ты ехидная! – не выдерживаю я. – Как ты с мужем живёшь, честное слово?

– Хм... – глаза Аины меняют выражение. – А с мужем я добрая-добрая, ласковая-ласковая. Не то что сказать – ни разу против не помыслила. И он мне, Рома, отвечает полной взаимностью.

Она потягивается, и я вижу это уже сквозь сладкую подступающую дрему. Препарат начинает действовать...

– Ладно, напарник, – Аина встаёт, прихватив свои стаканы и сосуд с драгоценным лимонным соком. – У меня ещё на полчаса работы, и спать. Пожалуй, тоже возьму себе снотворного. Устала чего-то. А завтра мы с тобой отправимся...

Но я уже не слышу. Я сплю. Я просто сплю... Какое блаженство...

* * *

– Вставай, Рома! Ишь, разоспался!

Я прижимаю к себе подушечку. Ну мама... Ну ещё чуточку...

Волна неожиданной нежности накрывает меня. Я разом просыпаюсь, трясую головой. Передо мной стоит мама Маша, и глаза её светятся лучистым, мягким светом. Точь-в-точь у моей Ирочки.

«Ты сказал – мама, сынок»

«А разве это не так?»

«Так, Рома. Теперь уже всё так»

– Вставай, все уже собрались на утреннюю разминку! – она переходит на звук. – Тебя одного ждут!

В холле уже стоят облачённые в термокостюмы члены нашей команды. Опять нет Юаи и Кио...

«Всё верно. Вы пробыли здесь шесть дней, Рома. Опять их пересменка»

Робот-«домовой» уже протягивает мне тугой свёрток термокостюма. Я быстро одеваюсь, просовывая руки в рукава и крылья в прорези на спине разом, я уже давно привык к такому одеянию и не путаюсь. Вообще я уже заметил – с тех пор, как я стал биоморфом, мне достаточно один раз сделать что-то правильно, и дальнейшие тренировки излишни. Тело само и навсегда запоминает, что и как надо делать. Быть ангелом здорово и приятно, уверяю вас.

– Вперёд, друзья! Встретим рассвет раньше всех! – папа Уэф, как всегда, в своём репертуаре.

Мы выскакиваем на крыльцо по очереди и, не задерживаясь, круто взлетаем в небеса, подёрнутые рябью жиденьких облаков, подсвеченных снизу розовым. Я без напоминания включаю режим невидимости, оставляя только дальний инфракрасный диапазон. О-оп! Щекочущая волна по телу, и вот уже нет внизу никакого скита. Мои внутренние грудные мышцы радостно отзываются на движение, крылья машут мощно и неутомимо. Вверх, вверх, навстречу встающему светилу! Долой сидячую кабинетную работу, долой

сны-кошмары, наполненные вражескими биороботами! Ах-ха, как хорошо, папа Уэф! Как это здорово, Аина! Спасибо тебе, мама Маша! Я люблю вас всех!

«Мы тебя тоже, Рома»

«Слышь, координатор... Я не уловила ход твоих мыслей – сегодня призом будут бананы?»

«Да, Иваныч привёз»

«А лимоны?»

«Остались три штуки. Их получит тот, кто первый...»

Закончить мысль Уэф не успевает – два размытых тепловых пятна резко увеличивают скорость.

«Здесь Уэф. Все в погоню! Это приказ!»

Мы устремляемся следом за претендентами на три лимона.

«Нет, Иого, какой ты всё же вредный! Тебе завтра дед Иваныч привезёт ещё ведро лимонов, а мне? А ну отстань! Отстань, говорю!»

«И не подумаю! Победа достаётся в борьбе! Работай, работай крылышками!»

Я молочу крыльями изо всех сил, так, что едва не заламываются длинные маховые перья. Скорость сейчас все сто тридцать, наверное, если не больше. Ух, как летим!

«Так нечестно, Иого!»

«В исходных условиях таких ограничений нет!»

Я смеюсь вслух. Действительно, Иого применил тактическую уловку – перешёл в пологое пикирование, и теперь

больший, чем у Аины, вес служит ему союзником, а не помехой, как на подъёме. Пятно справа медленно, но верно выходит вперёд. Мы без колебаний несёмся следом, ещё более увеличивая скорость в пикировании. Ох, здорово!

«Ну, я тебе покажу лимоны!»

Но угроза моей наставницы остаётся пустой. Берег озера неумолимо приближается, и наша пятёрка с шумом проносится над самыми кронами деревьев.

«Ага, съела? Не видать тебе лимонов, коллега!»

«Ух ты и жмот!»

«Ладно, пользуйся моей невероятной добротой. Так и быть, уступлю тебе один, но при условии...»

«Как, опять?»

«Снова, Аина, снова»

«И всё это за один лимон? Не дождёшься!»

«А за два?»

«Решительное нет! Только за три, и ни лимоном меньше!»

«Ладно, что с тобой поделаешь. Пусть будет три»

Мы уже поднимаемся вверх по пологой, широкой спирали, пересекая гладь Селигера, кажущуюся свинцово-серой. Сейчас... Вот сейчас...

Огненные лучи брызжут на нашу пятёрку. Здравствуй, Солнце!

«Здесь Уэф. Правда, Рома, здешнее светило очень похоже на наше?»

Я улавливаю мысль Уэфа, и улавливаю ожидание – как я

ответчу на этот вопрос?

«Мне тоже интересно, что ты ответишь» – это Аина.

«Что ответчу? Эти солнца мои. Оба, папа Уэф»

«Хватит! Хочу купаться» – чья это мысль, мамы Маши?

«И я!»

«Ну так вперед и вниз!»

* * *

Я с наслаждением жую ватрушку с творогом, запивая её вкуснейшим молоком. Все вокруг завтракают с не меньшим аппетитом, даже Кио и Юайя, не участвовавшие в утреннем моционе-марафоне. Юайя даже более торопливо, чем остальные, и я улавливаю – она сегодня дежурная, и подопечные уже готовятся выходить из своих тёплых и относительно безопасных квартир, начиная новый трудовой день. Да, могучая прогноз-машина заранее предупредит контролёра ситуации о грозящей опасности, и даже высветит впереди подопечного мировую линию, и останется только не дать подопечному свернуть не туда, в тупик, обрывающийся где-то близко... Да ведь это надо ещё успеть сделать! Нет, днём дежурному лучше не отходить от экранов...

В памяти всплывает – что-то огромное и белое мелькает перед капотом, сильный удар... Девочка, лежащая на земле, неловко разбросав крылья, которые мы, четверо аборигенов, приняли сперва за какую-то белую тряпку... Огромные гла-

за, наполненные болью...

«-...Спикировав к земле в попытке поймать перстень на лету, она умудрилась произвести лобовое столкновение с автомобилем – единственным, между прочим, в радиусе десятка километров. Крылатое существо – с наземной машиной!

– А если оно не везёт, то как с ним бороться?»

Да, вот так оно и началось, наше счастье. С грубого нарушения правил, когда оперативный сотрудник Иолла, находясь на дежурстве, решила искупаться на озере...

«Не было бы счастья, коли б несчастье не помогло, значит...» – дед Иваныч жуёт картошку.

«Аина, когда прибывает Уот?» – улавливаю я мысль Уэфа.

Я медленно опускаю недоеденную ватрушку на стол. Как я забыл... Мне присылают замену. И вполне возможно, последний раз я ем вот эти дедовы ватрушки...

«Уот будет к обеду. А перед тем сеанс связи, само собой»

«Ты объяснишь Скользящему над волнами?»

«Обязательно. И ты доедай ватрушку, Рома. Всё будет нормально. Тебя не выгонят»

«Откуда такая уверенность?» – прищуривается папа Уэф – «Я не вижу высокой вероятности. Я бы выгнал»

«И ты бы не выгнал, Уэф. Я тебя уверяю»

«Ну-ну»

– Точно тебе говорю, – Аина переходит на звук. – Рома, доедай наконец ватрушку и ничего не бойся. Я отвечаю!

– Кстати, насчёт «отвечаю» – это Иого. – Лимоны ты съе-

ла?

– Ещё один остался.

– Ну так доедай и начнём.

– Как, сразу после завтрака?

– А когда? Обедать вы будете не здесь, как я понял.

* * *

Рокот и ропот... Рокот ропота... Нет, не то... Шум при-
боя, гул винтов тяжёлого самолёта... Нет, опять не то... Ше-
лест листьев и плач котёнка... Не то, не то!

Нет, это ни на что не похоже. Некое подобие такого звуча-
ния может, очевидно, создать очень хороший электронный
синтезатор. Или группа синтезаторов, при условии, что за
ними будут стоять не просто музыканты, а настоящие масте-
ра.

Аина и Иого играют в четыре руки. На чём играют? Да
ни на чём. Термин, которым ангелы обозначают этот инстру-
мент, можно приблизительно перевести как «мыслемузыка»
или «виртуальный синтезатор», или даже «виртуальный ор-
ган». Но этот перевод всё равно ничего не даст – он не в
состоянии отразить ВОТ ЭТО.

Аина и Иого стоят в рост, а мы, слушатели, сидим на ков-
ре, затаив дыхание. Тут все, кроме дежурной. Даже дед Ива-
ныч сидит в углу, весьма напоминая медведя, сидящего в
окружении ребятишек в цирке.

Святящиеся в воздухе цветные линейки, напоминающие спектр, висят рядами. Пальцы Аины и Иого порхают, плавают, купаются в этих радужных виртуальных клавиатурах, извлекая все те звуки, которые я с тупым упорством биоморфа пытаюсь идентифицировать и анализировать...

«Не надо ничего анализировать, Рома. Ты просто слушай и наслаждайся, и всё» – бесплотный голос в голове, и я даже не успеваю понять, чей.

Я вспоминаю – у людей есть такое устройство, называется «терменвокс». Разумеется, он соотносится с этим вот ангельским суперинструментом, как лучковая пила, на которой играет плотник, с большим симфоническим оркестром. Но отдалённая аналогия имеется.

Порхают, порхают пальцы меж радуг, и льются звуки, которым нет названия. Мне хочется смеяться и плакать, мне хочется... Мне хочется жить, вот что!

Концерт происходит в комнате у Аины, но ощущение громадности и бескрайности раскинувшихся вокруг пространств возникает непреодолимо, стоит только закрыть глаза. Я лечу, я плыву меж звёзд... Я расширяюсь, подобно ударной волне от взрыва, стремительно и неостановимо...

Взрыв в голове!

Большие тёмные глаза без белков смотрят на меня в упор, через сотни световых лет.

«Так ты полагаешь, у меня есть ещё время застрелиться?» – скрежещущий смех, от которого сводит скулы, как

напильником по стеклу. – «Ты самоуверен и глуп, биоморф. Ты тешишь себя взятыми фишками, не подозревая, что партия будет за мной. Повелитель Вселенной вечен и неуничтожим, биоморф. Даже если это кому-то удастся, на место убитого тут же встанет другой. Вы все наивны, пернатые твари. Да, вы превосходите нас в технике, как это ни обидно. Да, вы сильнее. Но вся ваша сила и ваша техника не поможет вам. Просто потому, что мы умеем убивать по-настоящему. А вы нет.

Я подожду. Я умею ждать, биоморф. И мы поговорим»

– ... Очнись, Рома! – передо мной широко раскрытые глаза Уэфа. – Что ты видел? Что ты сейчас видел, ну?

Аина уже надевает мне на голову обруч мыслезаписи.

– А вот это мы сейчас посмотрим. Быстро думай, коллега, пока не выветрилось!

* * *

– Здравствуйте, коллеги!

Биан смотрит на нас с Аиной, как и положено начальству – с мудрой, усталой грустью.

– Рассеивающая мрак и Победивший бурю, ваша часть работы сделана. Я всё знаю, сводка подробна. Сейчас вам на замену прибывает Летящий в ночном тумане, он приглядит за обнаруженными биороботами. До их самоликвидации, вернее всего. Он и окажет поддержку Уэфу, если что не так. Вы

же возвращаетесь сюда.

– Это мудро, Скользящий над волнами, – я улавливаю в голосе Аины некоторую насмешливость. – Это наиболее мудрое решение из всех возможных.

– Не вижу повода для иронии, Рассеивающая мрак. По прибытии в Рай сразу в контору. Нам предстоит серьёзный разговор, всем троим.

– Ну разумеется, Биан, – на сей раз я не улавливаю в голосе Аины даже намёка на насмешку. – Очень серьёзный разговор.

– Тогда жду. Удачного перехода!

Изображение начальства исчезает. Аина оборачивается ко мне.

– Ну что, Победивший бурю. Готовься, ибо ждёт нас нынче не лёгкий бой, а тяжёлая битва. Биан – это тебе не «зелёные».

– Я сделал всё, что смог, Аина. И глупость тоже.

– Да кто спорит? Но у нас есть ещё время. Могу я тебя попросить? Покажи мне своё прежнее жилище.

– Слушаюсь!

– Вот не надо так, Рома. Это не приказ, и ты сам это понял.

– Да ладно, Аина. Включаю экран?

– Нет, это не то. Я бы так и сама могла. Я хотела побывать там вживую, и в твоём сопровождении. Это возможно?

– Да... конечно.

– Ну тогда я вызываю кокон!

- Погоди, буквально десять минут, ладно?
- О! Ты собрался напоследок совершить какой-то подвиг?
- Да не то что подвиг...
- Ладно, я подожду. Только недолго!

* * *

– Папа Уэф, можно тебя отвлечь?

– Ну?

– А где у нас тут синтезаторы?

В глазах Уэфа зажглись знакомые огоньки.

– Решил перед отъездом заняться хозяйственными делами?

– Точно.

– В углу справа вниз люк. Всё, не отвлекай.

Я выхожу от Уэфа, быстро шагаю в холл. Время, время. А перед отъездом мне надо сделать ещё одно дело. Может, и не столь важное, как поимка резидента Истинно Разумных на Земле, но...

В холле четыре угла, и в каждом имеются люки вверх и вниз, один над другим. Собственно, это выходы гравифитов – старый скит основательно доработан ангелами, и представляет собой верхушку айсберга. Ага, вот он, нужный мне люк...

Люк передо мной приглашающе распаивается, неуловимо-мгновенно исчезает, открывая путь в бездну. Я шагаю в

створ шахты. О-оп! На сей раз падение не столь длительное, как в шахте лифта, ведущего в зал телепортации – очевидно, синтезаторы находятся не так глубоко, как телепорт. Я выхожу из створа гравиффта, мягко подталкиваемый в спину. Так...

В обширном помещении стоят ванны с откинутыми колпаками. Две похожи на бытовые синтезаторы, стоящие в подвале нашей с Ирочкой жилой башни, одна же ванна скорее напоминает небольшой бассейн. Я прикидываю – мда... Очевидно, тут при нужде можно сделать изделие, только-только пролезающее в лифт. Но мне сейчас ничего столь масштабного не нужно, наоборот – даже ванна стандартного бытового синтезатора для моего заказа чересчур велика. Я озираю помещение. Ага, вот!

Маленькая ванночка, немногим больше фотографической кюветы. Я беру из шкафа с прозрачными стенками стакан с чёрным порошком, следя, как ванночка наполняется тёмной жидкостью-раствором. Аккуратно насыпаю немного нанороботов в раствор. Крышка мягко закрывается, повинуясь моей команде, и передо мной вспыхивает виртуальный дисплей. Я достаю большое бело-радужное перо. Да, как и у всех пернатых, перья у ангелов время от времени выпадают, поочерёдно сменяясь новыми, и биоморфы не исключение. Я отдаю мысленную команду, и перышко повивает в воздухе без всякой опоры. Ещё команда, и вспышка голубоватого света озаряет копируемый объект. Ну вот, так будет хоро-

шо...

«Заказ принят» – шелестит в голове бесплотный голос. Вот странно, почему мысли всех этих Иванов не читаются, а сервер базы свободно общается с ангелами посредством телепатии?

Ладно, время идёт, и нечего тут сидеть. Я обещал экскурсию Аине, обещания надо исполнять. А тем временем мой заказ будет выполнен.

* * *

Громадный город раскинулся, кажется, насколько хватает глаз. Голубоватая дымка смога окутывает его, смазывая очертания, и даже острый ангельский глаз порой с трудом различает мелкие детали. Москва отсюда чем-то напоминает срез колоссального дерева – внутри Бульварное кольцо, затем Садовое, ещё шире кольцевая железная дорога. Вдали виднеется МКАД, Великое Кольцо Москвы, тонким обручем опоясывавшая ещё не так давно столицу. Теперь и этот барьер преодолён, и сыпь всевозможных зданий и сооружений пригородов сливается на горизонте с городами-спутниками – Подольск, Видное, Апрелевка... Ранняя весна лишила мегаполис даже скудного зелёного наряда, и Москва сейчас до дрожи напоминает мне пейзаж Столицы Истинно Разумных. Ну, разве лес небоскрёбов ещё не вздыбился до небес, да нет в воздухе роящихся «летающих тарелок»...

Мы парим над Москвой, невидимые и неосягаемые. Транспортный кокон выгрузил нас на полукилометровой высоте, чтобы мы могли прогуляться крылышками. На сей раз маскировка включена на полную мощность, и нет даже размытого теплового пятна – я не знаю, как это достигается. О присутствии Аины я могу только догадываться. Она летит где-то сзади, на весьма приличной дистанции, поскольку также не видит меня. Возможно, это чрезмерная предосторожность, но Аина категорически велела – в последнее время аборигены тут здорово прогрессируют в деле подсматривания, тепловизоры всякие понаделали... Да и «зелёных» не стоит списывать со счёта, как змею, затаившуюся в норе. Бережёных и Бог бережёт, короче.

«Вон тот и есть твой дом?»

«Да. Садимся на крышу?»

«Только ослабь маскировку, а то как бы мне на тебя не сесть»

Нет, я веду мою наставницу не к Битцевскому лесопарку, не к той башне, где мы с Ирочкой прожили тот счастливый отрезок нашей жизни. Я был ещё человеком, и каждый день рысцой бежал к подъезду, и томительно ждал, когда же снизойдёт до меня лифт...

...«Чем смеяться, помог бы лучше!»

«Давай-давай, овладевай навыками. Что за женщина, которая не в состоянии надеть платье!»

Она выгнула бровки, закусила губку. Изогнулась, как

ящерка.

«Ты прав, конечно. Но кто это придумал, вот эти верёвочки? Нет, ты объясни мне – крыльев нету, а спина зачем-то вся голая...»

Я улыбаюсь. Как мы скакали тогда, когда я проверял бое-способность своей супруги... Мы собирались там жить и жить, прожить не такую уж короткую человеческую жизнь...

И всё это разом закончил визит Ивана.

...«Да бросайте вы эту бомбу за борт!!!» – кто это, Уэф или Чук?

Время будто растянулось. Мы вдвоём тащим неподъёмную тушу Ивана к балконной двери. В стене появляются трещины, сыплется штукатурка. Медленно вываливается кусок бетона, падает на пол, как чайник в стакане. Мои жилы трещат от натуги, но Иван всё-таки переваливается через перила балкона. Неохотно начинает движение, свой последний полёт. Прощай, Иван, мы будем помнить тебя всю жизнь.

А в тридцати метрах от нас, чуть выше, из кипения воздуха возникает силуэт, очень напоминающий громадный транзистор. И кто, интересно, назвал эту штуку «летающей тарелкой?»

«Назад!!!» – и уже некогда определять, чья это мысль.

И, как в фильме «Вий», из стены лезут твари, отдалённо напоминающие людей...

Нет, я не хочу туда, воля ваша. Пролом в стене, проделанный «омоновцами» с металлокерамическими костями, дав-

но заделан, как и глубокая выплавленная борозда на бетоне, след плазменного разрядника – прощальный привет от «зелёных», когда выключился гаситель. Там давно живут другие люди, и не могут нарадоваться на свою роскошную металлическую дверь – «тыщи три баксов, поди, стоит!». Пусть себе живут, они не знают...

А вот в старой моей однокомнатной квартирке никто не живёт. И мы летим туда.

О-оп! Вихрь, поднятый моими крыльями, вздымает пыль на крыше, уже просохшей после зимы. Неподалёку взвихривается другое облачко пыли, хрустит лежалое покрытие под лёгкими шагами.

«Ёкарный бабай, я же забыл... У нас нет ключа от выхода на крышу»

Шелестящий бесплотный смех.

«Вот так хозяин жилища! Привёл домой девушку, а дверь открыть не в состоянии? Что бы ты делал без меня, Рома! Где вход?»

Я уже достаточно продвинут в телепатии, и успеваю уловить – Аина прихватила с собой универсальную отмычку. Догадливая, однако...

«Ты тоже ничего, Рома, вполне догадливый. Только потом»

Мы уже стоим перед дверью, ставшей такой непривычно-большой. Как в моём далёком, страшно далёком детстве...

Неприятно-щекотная волна проходит по телу, и Аина возникает рядом, всего в полушаге. В руку мне ложится маленькая штуковина, похожая на зажигалку.

«Твой дом, Рома, ты и открывай»

Дверь соседней квартиры внезапно распаивается, и на площадку выходит новый, мне незнакомый сосед, держа на поводке лоснящуюся здоровенную собаку – не то ротвейлер, не то ещё какой-нибудь трейлер – во всяком случае, размеры у псины соответствующие последнему. Собачка выскакивает на площадку радостно, явно предвкушая прогулку с сопровождающими собачьими удовольствиями. Но радость её мгновенно угасает. Секунду собака стоит, поводя носом, а затем с громким воем устремляется назад в квартиру, буквально волоком втаскивая за собой хозяина, опрометчиво закрутившего поводок вокруг кисти. Вой собаки, вопли хозяина, звон и грохот разрушаемой обстановки...

«Быстро, Рома!»

Но я уже и сам сообразил. Короткое движение пальцев, щелчок замка, и мы вваливаемся в моё родовое жилище. Дверь захлопывается с громким звуком, но вряд ли сосед, занятый борьбой с перепуганным животным, услышал что-либо.

Мы с Аиной выключаем маскировку одновременно.

– Уф... Чуть было не засыпались мы, коллега.

Я встречаю взгляд наставницы. Ещё секунда – и мы сдавленно хохочем, как сумасшедшие.

-... А вот это кухня? Интересно...

Аина осматривает нехитрую человеческую технику – холодильник, кухонную плиту – с неподдельным любопытством. Открывает кран, и тот возмущённо фыркает – очевидно, его давно никто не беспокоил.

– А чего тут два крана?

– Второй для горячей воды.

– А, вон как? Понятно... А тут что?

– Это ванная, где мыться.

– Ага... – Аина с любопытством разглядывает сантехнику. – Это душ, я поняла. А вот ты объясни мне, зачем корыто? Я уже давно хочу спросить – как вот это люди полощутся в таком корыте с горячей водой? Мутной, мыльной... Неужели приятно?

– Само собой. Это называется «принять ванну».

– Принять? Хм... Извращенцы.

Мы возвращаемся в комнату. Аина подходит к портрету, висящему на стене.

– Это она?

Да. Это она, моя Ирочка. Такой она была в той, прошлой жизни. Точная молекулярная копия этого рисунка находится за сотни световых лет. Вообще-то, когда мы отбывали на историческую родину моей супруги, я хотел забрать оригинал.

нал, но Ирочка упростила этого не делать.

– Слушай, а её вполне можно узнать.

Аина поворачивается, её взгляд падает на диван, покрытый толстым слоем пыли. Надо было прикрыть чем-нибудь, запоздало думаю я, у нас тут нет «домового»...

– Нет, не понимаю я, чего в нём такого, – Аина ложится на диван лицом вниз, пытается расправить крылья. – Неудобно, крылья некуда...

– Тогда у неё не было крыльев, Аина. И у меня тоже.

– Да это-то ясно. Но у вас, как я поняла, такая штука и сейчас дома стоит.

– Это уже сила привычки. И потом, тут есть плюс – на диване поневоле прижмёшься покрепче.

– А, вот как? Хм... – Аина размышляет, садясь по-турецки на середину дивана. – А что, может быть... Нет, всё равно на полу спать лучше. И кто мешает прижаться как следует?

– А мы извращенцы. Ты не забыла, что я биоморф?

Аина в раздумье хмыкает. Встаёт с дивана, оглядывает себя.

– Пыли тут накопилось...

Она отряхивает себя ладошками, и вдруг хлопает крыльями, стряхивая пыль и с них. Я понимаю, что это рефлекс, но в данном случае это приводит к катастрофическим последствиям – пыль с пола взлетает тучей, в воздухе плавают какие-то хлопья...

– Ладно, Рома... – вздыхает Аина. – Время экскурсии ис-

текло. Уходим через балкон, я первая. Кокон нас подберёт в воздухе.

– Ты не увидела главного – отхожего места...

– Нет, Рома. Вот как раз я увидела всё, что хотела. Спасибо тебе.

Я чувствую-ощущаю, как у неё крепнет решение. Какое?

– А ты не вслушивайся в мои неоформившиеся мысли, напарник. Нескромно это!

* * *

Однако, весна даёт себя знать. Гляди, какой восходящий поток, хоть крыльями не маши. Это солнце нагрело городские кварталы, и над крышами струится лёгкое марево тёплого воздуха, сливающегося выше в единый мощный поток...

Я снижаюсь по широкой спирали. Сегодня, пожалуй, можно было бы обойтись даже без термокостюма, но я облачён в боевой скафандр со всеми причиндалами. Не стоит разочаровывать ребёнка.

Вот и этот дом, а вот и балкон. На поясе у меня прицеплено нечто, весьма напоминающее старинный земной морской бинокль, тяжёлый и неудобный. Наученный горьким опытом, я взял это устройство вместо портативной отмычки, чтобы не искать по подворотням тарные ящики. Эта штука откроет всё, что угодно, хоть банковский сейф.

Но мои опасения напрасны. Балконная дверь распахнута настежь, по случаю по-настоящему тёплой весенней погоды, после надоевшей долгой череды зимних дней. И хозяйки дома нет, ушла в магазин. Если бы она была дома, я просто переправил бы перо в форточку, или нашёл другой способ. Но сейчас я могу позволить себе роскошь пообщаться со своим крестником, что ли.

Если ребёнок чего-то очень хочет, это ему лучше дать. Я хорошо запомнил это по своему человеческому детству. Порой ведь бывает и так – маленький сувенир может перевернуть всю жизнь...

Разумеется, я не стану дарить Олежке настоящее перо. Генетика развивается на Земле стремительно, и нельзя поручиться, что моё пёрышко не попадёт в руки чрезмерно любопытных и дотошных учёных. Пластик же вполне безопасен, и уликой являться не может – такие пластмассы можно изготовить и тут. Ну а ребёнку этого вполне достаточно, чтобы окончательно поверить в то, что сказки существуют.

Перила скрипят под тяжестью опустившегося на них груза, вихрь сметает с балкона какие-то крошки, сложенную четверо газету. Я легко спрыгиваю на пол, шагаю в распахнутую дверь. Мой подзащитный сидит на полу и дудит себе под нос, стравливая между собой всё того же робота-трансформера с ванькой-встанькой. Робот выглядит значительно хуже, чем несколько дней назад – нет одной руки и полноги. Ванька же свеж и бодр, как прежде, и раз за разом упрямо

встаёт. Очевидно, заокеанский робот не в состоянии бороться с русским Ванькой, чей прочный корпус ещё советской постройки можно расколоть разве что молотком.

– Здравствуй, Олежка.

– Ты вернулся, вернулся, Рома! – ребёнок враз забывает об игрушках и без колебаний кидается на звук. Ещё миг, и он прижимается ко мне, пройдя сквозь завесу маскирующего поля.

– Я знал, что ты вернёшься. Я без тебя скучал, вот!

– Ну ладно, ладно... – мне неловко. – Я тебе подарок принёс. Ты же просил?

Я протягиваю ему перо, переливающееся радужными отсветами.

– Ой... – Олежка смотрит на меня широко распахнутыми глазами. – Это что ли мне? Это что ли для меня, да?

Он внезапно начинает сопеть, и я уже вижу в его головёнке причину.

– Тебе же было больно, да?

– Ну что ты, малыш, – я прямо-таки растроган, честное слово. – Это перо выпало само. У нас же перья как у птиц меняются. Вот я тебе и принёс.

– Спасибо тебе, ангел Рома, – пацан прижимает перо к груди. – Я его никому-никому не отдам!

Вот так вот, как любит говорить папа Уэф. Вполне возможно, что этот Олежка и не станет воином Света. Но я твёрдо уяснил одну простую вещь – человек, в чьём сердце живёт

ожидание сказки, никогда не станет воплощением Зла.

* * *

Ну вот, другое дело. Пол зала телепортации густо-синий, купол вообще изображает какую-то космическую туманность на фоне бесчисленных мириад звёзд. А то несерьёзно как-то. Всё же мы сейчас перемещаемся за сотни световых лет, а не на кордон к деду Иванычу...

Юайя, колдующая над виртуальным пультом, улыбается, уловив ход моих мыслей. Сегодня она одна работает с телепортом, у Кио есть другая работа. Но зато все остальные тут, и даже дед Иваныч. Так уж повелось у ангелов – провожать приходят все, кто может. Этот обычай повёлся с тех времён, когда те, кто шагнул в камеру телепорта, не всегда выходили на том конце...

– ...Вот это тебе, – мама Маша протягивает Аине коробочку с прозрачными пробирками, уложенными одна к одной. – Тут меристемные культуры гладиолусов и ромашек...

– Ромашки? – Аина осторожно берёт подарок. – Вот за это спасибо, Мауна, прямо даже не знаю... Всё никак не могу развести дома, хоть перья выдери. С сертификатом?

– Естественно, – смеётся мама Маша. – Что ж я, контрабандой с тобой на пару заниматься буду?

Я уже понимаю, о чём речь. Ввоз инопланетной флоры и фауны тщательно контролируется. Не хватает ещё превра-

тить Рай в планету каких-нибудь ромашек...

– А вот это тебе, Рома, – гудит дед Иваныч. – То есть не тебе даже, а Ирке.

Он протягивает мне куклу, и по залу телепортации разливаётся тишина.

Я осторожно беру подарок. Да, кукла выполнена мастерски. Сплетённая из тончайших полосок чего-то древесного и покрытая лаком, она имеет весьма явное сходство с Ирочкой – Иваныч сумел передать даже озорное выражение глаз. И крылья раскрываются, надо же...

– За пять тыщ лет ручаться не могу, – улыбается в бороду дед, – но полтыщи простоит. А коли будут держать в сухости и прохладе, так и всю тыщу.

– Ну ты просто волшебник, Иваныч, – говорит Уэф, и я улавливаю, что это не просто комплимент. Добиться таких слов от местного архангела нелегко. Папа Уэф вообще не склонен раздавать комплименты без крайней нужды.

Глубокий мелодичный сигнал, и крышка телепорта плавно всплывает в воздухе.

– Всё, давайте. Время, время, канал сформирован!

Мы с Аиной ныряем в углубление. Уот уже, должно быть, сидит в чаше телепорта на том конце, обхватив колени руками и накрывшись крыльями, как плащом. Обменный переход экономит немало энергии, поэтому мы и разминемся с коллегой – он выйдет здесь, а мы с моей наставницей там.

Крышка плавно опускается, отсекая нас от внешнего ми-

ра. Аина крепко обнимает меня руками и ногами, обхватывает крыльями.

«Готовы?»

«Да»

«Удачного перехода!»

Вращение-головокружение-растяжение... Волна тепла-холода... Всё?

Воздух шипит, втекая в камеру, крышка всплывает над головой.

– Всё, коллега, хватит меня обнимать!

Мне немного обидно – кто кого обнимает-то? Сама такая...

А на площадке уже стоит она. Она, моя Ирочка.

«Ну как же могло быть иначе, Рома?»

Краем глаза я вижу, что в зале есть и другие – например, Аина уже виснет на шее у мужа, и её дети обступают маму со всех сторон... А вот и бабушка Иолла, и братец Федя, похоже...

– Да вы целуйтесь, целуйтесь, мы подождём! – заявляет Фью.

Глаза Ирочки сияют нестерпимым светом, занимая всё поле моего зрения.

– Рома...

Если бы я был человеком, мои губы лопнули бы по швам от такого поцелуя...

– Я очень извиняюсь, Иолла, но нам с Победившим бурю

надо в контору, – прерывает нашу встречу Аина. – У нас проблемы, и мы их должны решить немедленно. Коллега, отдай жене подарок и пойдём на выход. Я вызвала кокон.

* * *

Полумрак и прохлада царят в помещении, на рабочем месте Аины стоят в своих горшочках цветы. Я уже знаю – обычно Аина первым делом подходит к ним, а уже потом к начальству. Но сегодня случай особый, и мы проходим мимо.

– С прибытием, – Биан сидит на своём обычном месте.

– Благодарим, Скользящий над волнами, – так же серьёзно отвечает Аина.

– Хотите отдохнуть и покушать? Время есть.

– Нет уж. Давай сразу.

Биан щиплет мочку уха.

– Ладно, сразу так сразу. Сводку я просмотрел, хотите что-либо добавить?

– Пока нет.

– А я хочу.

Пауза.

– Начнём с тебя, Рассеивающая мрак. С тобой был направлен практикант. Для того ли, чтобы ты, выдав ему задание, забыла о нём и занялась другими делами?

– Я виновата, Биан. Переоценила и проявила беспечность.

– Тогда оставим. Пока. Теперь о тебе, Рома.

Я слегка сжимаюсь.

– Мы с Аиной часто спорили на эту тему – она утверждала, что ход мыслей человека невозможно предсказать в принципе. До твоего появления у нас спор шёл на равных. Теперь я вынужден признать её полную правоту. Честно, мне бы и в голову не пришло, что можно в одиночку, не сообщив наставнику и координатору, организовать операцию по захвату агента «зелёных». Да ещё не одного, двух! Да ещё один из них биоробот!

Я усиленно молчу. Что тут говорить?

– Своими действиями ты поставил под угрозу не только свою жизнь, Победивший бурю. Если бы там оказалась их «тарелка», мы бы с тобой не разговаривали. И весьма возможно, что уже не было бы в живых координатора Уэфа и всей его команды. Да и самой базы, вероятно, тоже.

Биан смотрит грустно.

– Я вынужден предложить тебе другое место работы. Если хочешь, можешь перейти в аналитический отдел, они не против. Правда, они редко бывают на Земле, а в прямой контакт с «зелёными» и вовсе не вступают.

– Прости, что перебиваю, Биан. Что ему делать в аналитическом отделе? Ты в курсе, какой из Ромы аналитик.

– Тогда, если душа жаждет схваток и героики, ему следует проситься в ликвидаторы. Правда, я не уверен, что его возьмут. Им Великий Спящий ни к чему, тем более Всевидящий. Там главное – скорость реакции.

Он замолкает, и мы с Аиной молчим.

– Ну что, Победивший Бурю, давай прощаться. Мне очень жаль, что так всё вышло.

Я смотрю в пол.

– Так... – Аина встаёт рядом со мной. – Значит, я тебя не убедила. Опять моя вина, выходит. Ну что же. Я ставлю ультиматум. Или мы остаёмся вместе, или вместе уходим.

Я изумлённо вскидываю на Аину глаза.

– Не надо...

– Молчать! – ледяным тоном говорит Аина, не оборачиваясь ко мне. – Тебя здесь нет. Побудь пока мебелью, хотя бы твоим любимым диваном. Я повторяю, Биан. Или – или.

– Ты полагаешь, не смогу? – глаза Биана опасно сузились.

– Да кто сомневается, сможешь, конечно. Не в первый раз!

Сколько раз ты меня увольнял-то? Два? Нет, уже три...

Глаза Биана приобретают угрюмость.

– Я, пожалуй, попробую ещё разок. Лучше не видеть тебя, но знать, что ты и этот вот, – кивок в мою сторону, – где-то ходят, живые и здоровые, нежели до конца дней держать на душе тяжким бременем ваши смерти, за которые мне нечем будет оправдаться.

– Послушай, Биан, – Аина теперь говорит мягко, проникновенно. – Вот ты выгонишь сейчас меня и Рому. Я, само собой, заберу свои цветы и уйду, поскольку приказы начальства положено выполнять. А ты будешь смотреть на место, где я сидела, и страдать. И я буду страдать, и мой муж, и мои

дети – легко ли видеть праздношатающуюся по дому мать в таком состоянии... И вот он будет страдать, и его Иолла. А потом ты придёшь ко мне и скажешь, как всегда: «возвращайся». И я вернусь, не сомневайся. Потому как не мыслю себе жизни вне нашей службы. И всё бы ничего, но вот он, – опять кивок в мою сторону, – он уже НЕ СМОЖЕТ вернуться. Никогда, понимаешь? Он сломается. И будет у тебя в итоге те же два трупа, пусть и летучих – Рома и его Ирочка. И их нерождённая дочь сверху. ЗАЧЕМ?

– Всё!! Хватит!! – никогда не подумал бы, что ангелы могут так орать. – Выпорхнули отсюда разом, оба! И чтобы я вас больше не видел! До послезавтра!

– Дозволь исполнить, о Владыка? – вытягивается в струнку Аина, скалясь.

– Причём мгновенно!!!

* * *

– Уф-ф-ф... – от избытка накопившихся эмоций Аина трясёт головой и полураспущенными крыльями. – Какое счастье, что я ангел, Рома. Будь я человеком, я уже точно получила бы инфаркт.

Мы стоим в одной из боковых комнат нашего этажа. Обычно эти помещения не используют, сотрудники сидят внутри, в обширном прохладном холле. А ещё отсюда вот очень удобно взлетать...

– Чем я могу отблагодарить тебя, Аина? – тихо спрашиваю я, становясь на одно колено. И откуда что берётся?

– Отблагодари-ить? – Аина смотрит пытливо, затем глаза её приобретают знакомое ехидное выражение. – Если ты научишься думать, вместо того, чтобы слегка соображать, и воздержишься в дальнейшем от проведения подобных операций, я буду совершенно и окончательно счастлива.

Нет, всё-таки ехидная она, как ни крути...

– А если серьёзней, я это сделала не только ради тебя, Рома. Я перестала бы себя уважать, если бы спокойно промолчала и сдала тебя. Вот так вот, как любит говорить твой папа Уэф.

– Спасибо.

– Ладно, напарник, – смеётся Аина. – Порхай домой, и я тоже. Послезавтра с утра нам на службу, а сутки у нас не те, что на Земле. До встречи!

Она срывается с края, как ласточка, быстро набирает высоту. Я слежу за ней глазами – о-оп! И нет ничего. Мою наставницу поглотил транспортный кокон.

Я тоже выпархиваю вслед за ней, на ходу вызывая транспорт для себя. Спасибо тебе, Аина, спасибо, добрая ты душа... О, а это кто?

Навстречу мне плавно скользит женщина, в которой я узнаю собственную жену.

«А как ты думал, Рома? Я же телепатка, причём потомственная. Ты думаешь, я не переживаю? Я же всё вижу»

Я в раскаянии. Ведь мог бы поговорить уже... Вот, прилетела меня встретить-поддержать... Мучаю просто свою маленькую любимую жену, одни огорчения от меня...

Ирочка пристраивается рядом, в такт машет крыльями.

«Малость есть, Рома. Но насчёт того, что одни огорчения, тут ты ошибаешься. Я счастлива с тобой, муж мой»

Господи, как я счастлив!

«Давай прогуляемся, Рома. От нервов помогает. А потом домой! Я там такой салат сделала к твоему возвращению, вот!»

Домой... Да. Да, и здесь тоже мой дом. Потому что дом может быть где угодно, если тебя там любят и ждут.

Глава 2

Если тебя ждут

– А вот я тебя! А вот сейчас поймаю!

Ответом мне служит радостное верещание. Я грозно растопырываю руки и крылья, всем своим видом предвещая Нечаянной радости ужасную участь в случае поимки, но зверюшка давно усвоила – это всё одна видимость. Из хозяина можно вить верёвки, сидеть на голове и требовать лакомств. Но, разумеется, игра есть игра, и Нечаянная радость честно соблюдает условия: покуда я ловлю, она ловко уворачивается от моих рук.

– Ага, разыгрались... – в комнату входит Ирочка, держа в руке авоську. – А кто обещал слетать в близлежащий лесок и набрать вкусенького?

Ирочка протягивает мне сетку, а меня разбирает смех. Ну вот... Ты можешь жениться на чистокровном ангеле, ты можешь сменить свой облик и самый биологический вид, ты можешь забраться за сотни световых лет от Земли, но это не избавит тебя от необходимости походов в гастроном и булочную.

Ирочка смешливо фыркает, блестя глазами – уловила мою мысль.

– Возьми (певучее непере译имое слово) и ещё (другое

название), и розовых грибов не забудь. Остальное по вкусу. Да, и не забудь древесную дыню!

– Будет сделано!

Но вместо того, чтобы немедленно стартовать в указанном направлении, я шагаю к жене и крепко обнимаю её. Ирочка с готовностью подставляет губы, и даже крылья слегка отводит назад – это чтобы удобней было её обнимать. Вот только округлый живот мешает прижаться как следует... Всё верно, летать в булочную моя обязанность – беременным таскать тяжёлые авоськи вредно.

– Ничего, Рома, потерпи, – Ирочка, как всегда, уловила мою мысль. – Теперь уже скоро.

– Когда?

– Полмесяца осталось, даже чуть меньше.

– Да-а... В Раю месяц долгий.

– Что делать, – смеётся жена.

Я прикладываю ухо к гладкой округлости живота, прислушиваюсь. Ни звука.

– Слушай, а чего она всё время спит?

Ирочка опять смеётся.

– Так ведь кто у неё отец? Великий Спящий.

– Хм... – аргумент на первый взгляд выглядит убедительно. – Хотя бы пошевелилась, что ли...

– Ей сплясать для папы танец живота? Давай уже, двигай, муж мой. И побыстрее, а то стемнеет. Ты не забыл, что мы с тобой хотели сегодня полюбоваться закатом солнца?

Да, всё верно. Зима прошла, и вновь весна пришла в Рай, и Великая звезда всё дольше балует нас своим присутствием. Правда, всходит она теперь при свете дневного светила, что лишает её должного великолепия – просто яркая звезда, видимая днём. Но во всяком неудобстве таится своя изюминка – после заката солнца белая звезда набирает силу на глазах, стремительно вытесняя с небосклона дневные краски... Впрочем, глубоко в душе я всё-таки полагаю, что это уже эстетство, к которому в большинстве своём склонны сородичи моей супруги.

– Лети же, Великий Спящий! – Ирочка высвобождается из моих рук мягким скользящим движением.

Нечаянная радость верещит, одобряя отправку экспедиции. Зверюшка уже давно установила неразрывную связь между авоськами и вкусным обедом.

* * *

Кроны деревьев смыкаются на головокружительной высоте, многоярусные заросли перевиты лианами. Здесь, на самом нижнем ярусе, который некоторые земляне называли бы «андеграунд», редко кто бывает – всевозможные плоды-орехи растут на ветвях, равно как и цветы всех форм и расцветок. Что касается насекомых, которых тут, на земле, великое множество, то современные ангелы давно забыли, с какой стороны их едят. Это их древнейшие предки баловались.

Ирочка тоже обычно не спускается на землю, находясь в лесу – сыро тут, сумрачно. Тут вообще было бы темно, если бы не многочисленные светящиеся насекомые плюс грибы и цветы. Рядом со мной из могучего ствола дерева торчит дру- за таких грибов, полупрозрачных и светящихся. Взять, что ли? Вообще-то у этих грибов чересчур острый вкус, Ирочка их не любит, да и я не очень жалую. Их ещё варить надо... Ладно, возьму, съедим в охотку.

Я отрываю друзу и кладу поверх уже почти полной сетки провизии. По стволу ползёт интересное насекомое, напоминающее чем-то земного скорпиона. Только вместо жала загнутый хвост увенчан светящимся утолщением. Да, здесь не встретишь никаких жалящих-кусающих ядовитых тварей, тем более смертельно опасных. Неподальёку от меня свисает лиана, сплошь увитая белыми цветами, напоминающими земные каллы, только светящимися. Я уже уловил, что отдельные участки здешних плодовых джунглей значительно отличаются друг от друга, в соответствии со вкусами и предпочтениями местного садовода-смотрителя. Если смотреть в корень, то здешние джунгли давно уже не джунгли, они отличаются от диких первобытных райских кущ так же, как ботанический сад от амазонской сельвы, куда ещё не ступала нога человека. По сути, это тоже искусственная окружающая среда, только сохранившая облик джунглей, привычный ангелам.

А вот и ещё одно насекомое ползёт – ни дать ни взять зем-

ной термит, только брюшко светится ярко-зелёным, отчего насекомое напоминает движущийся светодиод. Кеа, Ирочкина племянница, рассказывала – такие вот термиты служат санитарями леса, как и ночные садовники. Только последние специализируются всё больше по перезрелым фруктам-орехам, термиты же употребляют палую листву и прочее мало-съедобное сырьё.

Мимо пролетает бабочка размером почти в ладонь, и тоже светящаяся, да ещё как! Брюшко сияет алым мерцающим светом, крылья переливаются... Кажется, весь вид насекомого взывает к потенциальным врагам: «Съешь меня, съешь, попробуй! Что, слабо?»

Я усмехаюсь. Действительно, слабо... Мелкие насекомоядные летуны давно и прочно занесли в свою генную память – есть этих бабочек в принципе можно, но только один раз. Земная бледная поганка по сравнению с ними просто детское питание. Оттого и мёд этих бабочек никого, кроме них самих, не интересует. Кстати, вон их тут сколько, должно быть, где-то рядом гнездо... Точно, вот оно.

Да, гнездо бабочек-медовок – это зрелище, которое стоит увидеть хотя бы раз в жизни. Плотная коническая крыша, похожая на вьетнамскую соломенную шляпу, увеличенную до двух метров (ангелы скажут – пять к"аии, то есть локтей). Под крышей свисает паутиная кисея, отчего всё сооружение напоминает огромный полупрозрачный жёлудь. Внутри гнезда копошится масса бабочек, мерцающих и переливаю-

щихся – феерическая картина!

Я перелетаю поближе, сажусь на ветку рядом с висящим гнездом. Теперь видно, что внизу в «кисее» имеется проход-леток, через который снуют туда-сюда бабочки. Внутри же плотными рядами висит что-то вроде гирлянд электрических изоляторов – аналог пчелиных медовых сотов. Да, на этих блюдцах из затвердевшей слюны, похожих на пластиковые одноразовые тарелочки земного общепита, находится мёд и растут личинки... Словом, улей и улей. К счастью, бабочки эти не имеют жала, их даже можно брать в руки. Только руки потом следует тщательно вымыть. Впрочем, теперешние бабочки-медовки уже далеко не столь ядовиты, как их дикие предки, и это тоже неспроста. Не хватает ещё, чтобы кто-нибудь из детишек, только-только научившихся летать и активно осваивающих окрестности, отравился насмерть!

Да, и бабочки тут, в джунглях, выполняют свою работу, опыляя многочисленные цветы. Все при деле, и нет ничего лишнего, как в природе. Тонко, виртуозно отлаженный биоценоз огромной живой планеты. Планеты, оптимизированной для проживания.

Я усмехаюсь. Вот в этом месте со мной многие из людей могли бы поспорить, пожалуй. Род человеческий научился выжимать из своей матушки-Земли куда больше. Количественно люди уже вполне соперничают с ангелами. Сколько ангелов проживает в Раю? Где-то около десяти миллиардов,

ну пусть с гаком. Это на такой-то громадной планетище, на четырёхстах пятидесяти миллионах квадратных километров суши, как нельзя более благоприятных для жизни! А людей на Земле уже шесть миллиардов, и число хомо сапиенсов уверенно растёт. Это при том, что люди как существа гораздо крупнее ангелов, и весу в них втрое больше. Так что общая биомасса человечества уже сейчас выше...

Я усмехаюсь снова. Да, если брать за критерий развития цивилизации биомассу, то люди уже обогнали ангелов в развитии. Но всё ещё сильно отстают от Истинно Разумных. Вот где биомасса так биомасса! Вот где подлинная, стопроцентная эффективность. Все ненужные звенья убраны, и вся биосфера загнана в баки пищевых синтезаторов. Никаких тебе разнообразных пищевых-трофических цепочек, прямая связь – неразумная биомасса, состоящая из микроводорослей, растёт, разумная её поглощает. КПД близок к 100%, и вся площадь планеты освоена – на суше сплошное море теплиц с установленными внутри прозрачными баками, в море те же баки под водой... И численность населения несравнима – триста с лишним миллиардов существ, мнящих себя разумными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.